
Картина сводных
Кэти М. Ди
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Сводные

Кэти Ди

Картина сводных

«Автор»
2026

Ди К. М.

Картина сводных / К. М. Ди — «Автор», 2026 — (Сводные)

Три года разлуки не излечили от одержимости. Они лишь превратили её в ярость. Я думал, что наша общая картина разорвана в клочья, но стоило снова увидеть её, как я понял: холст нашей безумной страсти нельзя уничтожить. Она может бежать сколько угодно от правды, прятаться на чужих курортах и пытаться раскрасить свою жизнь фальшивыми красками. Только эта сумасшедшая связь все равно приведет нас к одному финалу. В мире, полном интриг и предательства, мы оба заслуживаем гораздо большего, чем просто задыхаться на расстоянии.Наша «Картина» пишется заново, и на этот раз я не оставлю ей шанса на побег. А вот к чему приведет эта опасная игра на высоте пятидесяти этажей — предстоит узнать.

© Ди К. М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 20
Глава 5 22
Глава 6 26
Глава 7 29
Глава 8 32
Глава 9 36
Глава 10 38
Глава 11 42
Глава 12 45
Глава 13 50
Глава 14 53
Глава 15 60
Глава 16 62
Глава 17 66
Глава 18 69
Глава 19 72
Глава 20 76
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Кэти Ди
Картина сводных

Глава 1

Прошло ровно три года с того проклятого четверга, который размазал мою жизнь, словно дешёвую акварель под проливным дождём.

Я уехала в город к отцу сразу же, как получила диплом. Последний год в академии я доучивалась, уже живя в совершенно другом месте. Сначала я на полгода переехала к Вере, но как только у неё появился постоянный парень, я собрала вещи и съехала на отдельную съёмную квартиру. Маме я сухо объяснила, что так будет лучше для всех. Она, конечно, долго и упорно допытывалась, что же такого страшного между нами с Кириллом случилось, почему её «тихая» дочь внезапно сорвалась с места.

И я до сих пор помню тот день. Мы стояли все вчетвером посреди огромной гостиной особняка: мама, Игорь, я и Кирилл. Я посмотрела на него в самый последний раз — прямо в его потемневшие, пустые глаза — и ледяным тоном произнесла:

— Между нами ничего нет, чтобы чему-то случаться. Это просто была игра. Очередная грёбаная игра.

А потом, выждав момент, пока дома никого не было, я просто прогуляла пары, за пару часов запихала свои вещи в чемоданы и сбежала. Сбежать из-под кучи глаз круглосуточной охраны Игоря — это был тот ещё квест, но пара приказных слов, стальной отцовский стержень в голосе, и вот тебя уже беспрекословно отпустили на все четыре стороны.

На протяжении двух месяцев, пока Кирилл ещё не выпустился из академии, он упрямо преследовал меня в отчаянных попытках поговорить. Это был настоящий ад. Он караулил меня у корпусов, обрывал новые номера, караулил у дома Веры. Он без конца говорил, что всё это не то, чем кажется на первый взгляд, но все они так говорят, когда их ловят с поличным. Все до единого. Ложь плохишей всегда одинакова.

Вера однажды, когда я в очередной раз разрыдалась на её кухне, обняла меня за плечи и сказала, что они с Камилой всегда в таких странных, грязных отношениях были. Они то сходились, то спали, то расставались. Подруга качала головой и искренне удивлялась, что даже не удивительно, что в этот кошмарный ад в итоге попала и я. Для него это было нормой. Вера твердила, что это просто грязный, жестокий урок, который мне нужно перешагнуть, но жизнь на этом точно не заканчивается.

Потом Кирилл уехал в другой город — отец по полной программе запряг его по крупному бизнесу, и мы, слава богу, наконец-то перестали видеться. Но даже на огромном расстоянии он всё равно не оставлял своих попыток объясниться, засыпая меня длинными письмами на электронную почту, которые я удаляла не читая. Мама тоже без конца твердила, что я должна сесть и просто выслушать его. Будто её мнение меня волновало. Но это вообще не её дело. Она понятия не имела, через что я прошла. Я просто не хочу ничего слушать, мне невыносимо больно до сих пор.

За эти три года я сильно изменилась. Жизнь заставила меня повзрослеть, выпрямить спину и превратиться в уверенную бизнес-леди. Мои картины теперь продавались на закрытых аукционах с бешеной скоростью, критики превозносили мой стиль, а кураторы выстраивались в очередь, чтобы заполучить мои новые холсты. Я крепко стояла на ногах и сама управляла своим делом.

Но стоило мне закрыть глаза, как вся эта броня успешной женщины осыпалась сухой штукатуркой. Внутри я осталась всё той же испуганной Ксюшей. Предательство Кирилла сломало во мне способность доверять.

Моя прежняя дерзость и когти сменились тихой, нежной, но осторожностью. Всякий раз, когда за эти три года я пыталась жить как нормальная девушка и соглашалась с кем-то пойти на свидание, всё неизменно заканчивалось провалом. Стоило парням попытаться сократить расстояние — меня прошибал ледяной пот, и я технично сбегала.

Отношения пугали меня до дрожи. Я просто ни в ком из них не видела той сумасшедшей серьёзности, той опоры, которую когда-то давал мне один конкретный дикарь. Я любила только его. Но быть с ним не могла после того, что видела.

Я сидела в небольшом уютном кафе, а напротив меня сидела Галя и лениво ковыряла ложечкой свой десерт. Галя, глядя на мой отсутствующий вид, лишь сочувственно качала головой, а потом, окончательно поняв, что я её совершенно не слушаю, с хлопком опустила лань прямо по кожаной папке с документами.

От этого резкого звука я испуганно вздрогнула и подняла на неё глаза.

— Ксюша… — Галя решительно отодвинула свой десерт в сторону, уперла локти в стол и пристально посмотрела мне в душу. — Так больше нельзя, понимаешь? Ну сколько можно? Столько времени уже прошло. Тебе уже двадцать четыре года. Ты полностью состоялась как человек, как успешная женщина и как сильная личность. Наплюй ты уже на всё это прошлое. Сколько можно себя терроризировать? Я же безумно за тебя переживаю, ясно?

— Эта огромная отчётная выставка состоится уже через пару месяцев, Галь, — тихо ответила я, забирая у неё из-под руки папку обратно. — И я понятия не имею, что мне туда запихать, чтобы это было по-настоящему «вау». Тем более выставка такого гигантского масштаба. Вы с отцом вдвоём насели на меня с открытием этой галереи. Мы ведь за три года открыли их уже целых три!

— Но у тебя ведь редкий талант! — горячо возразила Галя, всплеснув руками. — Твои картины люди скупают как горячие семечки на базаре, даже не успев толком на них взглянуть!

— Вот именно! — воскликнула я, нервно листая плотные документы и графики продаж. — Я просто физически не успеваю создавать новые холсты, как вы их уже мгновенно распродаете! И это очень, безумно волнительно. Понимаешь? Идеи в голове заканчиваются. Мысли путаются в сплошной узел.

— Тогда давай сделаем так, — Галя снова решительным движением вырвала папку с документами из моих пальцев и закрыла её. — Я официально даю тебе целый месяц тотального отдыха. Ты вообще не рисуешь, не думаешь о холстах и ничего в свои альбомы не срисовываешь, поняла меня? — строго проговорила она, шутливо погрозив мне пальцем. — Просто отдых. Съезди с Верой или другими подружками в другую страну. Сходи на пляж, выпей хорошего вина, повеселись, как следует потуси. Заведи, в конце концов, лёгкий любовный роман, а потом безжалостно брось его! Сделай хоть что-то безумное, что даст тебе мощный заряд новых эмоций. А вот потом, милочка, ты с новыми силами вернёшься к любимой работе и всего за месяц выдашь мне такие шедевры, какие и не снились никому.

Я смотрела на Галю в полнейшем шоке, даже рот приоткрыла от её такого вопиюще-дерзкого плана. И как только эта удивительная женщина всего за три года умудрилась занять в моей жизни такое колоссальное, значимое положение? За эти года она словно прочитала меня как раскрытую книгу — от самого начала и до финального конца. Знает всю мою жизнь, все мои скрытые страхи, ночные переживания, слабые и сильные стороны, которые даже моя родная мать в упор не видит.

— Ладно. Только один месяц, — со вздохом согласилась я на её авантюру. — И нет, я ни за что не отдам тебе свой личный альбом. Даже не проси.

Галя тут же весело рассмеялась, качая головой.

— Ладно, альбом так и быть оставь при себе. Но прошу тебя, Ксюша, не смотри ты больше эти свои старые наброски. Ну зачем оно тебе постоянно надо? Наказывать себя?

— Чтобы никогда не забывать, кем я была… и кем я точно больше никогда не хочу быть, — тихо, но твёрдо проговорила я.

Я встала из-за стола, нежно чмокнула её в теплую щёку и, передав огромный привет папе, легкой походкой упорхнула прочь из кафе, направляясь прямиком в галерею.

Я зашла в свою галерею, и внутри, как обычно, разлилось приятное тепло. Это было большое, невероятно красивое трехэтажное здание, где на каждом уровне жило своё особое искусство. Я не остановилась только на картинах. За эти три года я увлеклась лепкой из глины, создавала инсталляции из самых разных, порой неожиданных деталей. Здесь было смешение стилей, текстур и вкусов. Но моей главной гордостью была отдельная комната, полностью выделенная под детские рисунки. Их мне дарили ребята и дети из приютов, которые тоже всем сердцем мечтали однажды стать художниками. Я вешала сюда абсолютно всё. Если новые работы не помещались, мы просто развешивали их по очереди, но ни один детский рисунок я никогда не оставляла без внимания. У нас регулярно проходили конкурсы на самый лучший эскиз, и тогда победившая работа целую неделю красовалась в дорогой раме на центральном стенде. Я часто устраивала бесплатные посещения по праздникам, проводила творческие викторины, а некоторые свои картины просто дарила тем, кто подолгу застывал перед ними. У меня даже появилась отдельная серия ярких, сказочных полотен для детей, которые родители охотно раскупали для детских комнат.

Я зашла сюда буквально на пару минут. Вера теперь работала вместе со мной. Не знаю, как она в своё время решилась отказаться от своей карьеры в крупном архитектурном бюро, но она упрямо уехала вслед за мной вместе со своим парнем. Теперь Вера была официальным руководителем моей галереи и помогала мне абсолютно со всем. Она, как архитектор, проектировщик и дизайнер — кем она там вечно себя называла, — создавала такие выставочные залы, что посетители на входе буквально ахали от восторга. Удивительные конструкции на потолках, ломающие пространство, замысловатые рамы, которые её теперь уже муж вырезал вручную из дерева… Это было наше общее детище. Наш личный, выстраданный бизнес.

— И зачем ты пришла? — тут же возмутилась Вера, едва я переступила порог её кабинета. Она оторвалась от чертежей и недовольно уставилась на меня. — Я же ясно сказала тебе — отдыхать хотя бы пару дней! А ты мало того что приперлась, так ещё и чёрт знает в чём, — она критически оглядела мой закрытый уютный кардиган.

Я лишь устало закатила глаза.

— На улице вообще-то июнь начался, Ксюх, а ты вырядилась как бабка, — продолжала возмущаться подруга, подходя ближе. — Ещё бы шаль сверху повязала, честное слово. Где твои короткие юбки, босоножки на шнуровке и сиськи навыкат, а?

В этот момент в коридоре кто-то демонстративно кашлянул, и в дверном проёме показалась довольная рожа Павлика. Муж Веры, разумеется, не упустил шикарной возможности посмотреть на меня и знатно посмеяться.

— А что? Она права, Ксюш, — ухмыльнулся он, опираясь на косяк. — Сиськи навыкат тебе сейчас точно не помешают для поднятия творческого тонуса.

— Ой, замолчите оба, — буркнула я, чувствуя, как щёки обдает привычным смущенным жаром. — Я всего на пять минут. Галя только что в кафе заявила, что мне нужен принудительный отпуск на целый месяц. Поэтому я пришла дать вам выбор. Либо мы закрываем всю эту лавочку к чертям и шумно тусим целый месяц, где угодно и с кем угодно — мне плевать, мне срочно нужны новые дикие эмоции для картины. Либо вы остаетесь работать, а я нахожу себе веселую компанию сама.

В коридоре за спиной Павлика что-то с грохотом грохнуло — видимо, он выронил какой-то инструмент. Парень тут же подскочил обратно к нам, и его глаза от восторга моей идеи блеснули.

— Так, стоп. Где ключи от главного входа? — быстро отозвался он, хлопая себя по карманам. — Давай закрывай всё к чертям, мы едем тусить прямо сейчас!

Вера тут же звонко рассмеялась, изящным движением поправляя свою новую стильную стрижку каре.

— Павлик, угомонись. Доделай сначала то, что профессора просили, и всё будет, — она повернулась ко мне, забирая из моих рук документы. — Начнём с завтрашнего дня, Ксюнь. Но галерею мы закрывать, конечно же, не будем. Это глупо. Посадим сюда на месяц студентов-практикантов, они как раз учебу заканчивают, уверена, им подработка сейчас очень нужна. Здесь везде камеры, так что ничего они тут не напортачат. Их задача простая — сидеть на ресепшене, улыбаться и билетики раздавать.

Я облегченно кивнула, соглашаясь с её идеальным планом. Оставив ей на столе кое-какие бумаги, которые мне до этого передала Галя, я быстро попрощалась с ребятами и упорхнула на улицу. Мне нужно было срочно съездить домой, переодеться во что-то более лёгкое и навестить детский дом, которому я уже два года регулярно отправляла благотворительную помощь и свои материалы. Директор приюта позвонила мне ещё утром и взволнованным голосом сказала, что у малышей скопились для меня новые картинки и подарки. И я собиралась лично забрать их все до единого.

Глава 2

Я приехала домой, быстро переоделась и, решив наконец последовать совету Веры, скинула надоевший закрытый кардиган. Вместо него я натянула лёгкий белый топ в рубчик, открывающий плечи и ключицы, и бежевую мини-юбку с небольшим кокетливым разрезом на бедре. На ноги обула лёгкие открытые босоножки на небольшом каблуке, подхватила маленькую сумочку и, бросив финальный взгляд в зеркало, осталась довольна. Образ получился нежным, по-летнему свежим и совсем не «бабским».

Я села за руль своей новенькой белоснежной машины, которую мы совсем недавно выбирали вместе с отцом, и уверенно выехала на магистраль, направляясь в сторону детского дома.

Но стоило мне отъехать на приличное расстояние от города, как моя ласточка внезапно решила сказать мне: *«До свидания, Ксюша!»*— и заглохла прямо посреди оживленного пути.

— Одевайся, говорит, нормально… — вслух передразнила я Веру, сердито ворча под нос и выходя из салона на раскаленный асфальт.

Из-под краев капота вовсю валил густой, едкий белый дым. Я аккуратно потянула за рычаг, откинула тяжёлую крышку и отчаянно замахала руками, пытаясь разогнать это удушливое облако. М-да. И что здесь, скажите мне на милость, сломалось? Я покрутила одну крышечку, осторожно потрогала какой-то шланг, но от моих дилетантских манипуляций машина, кажется, закипела ещё больше, издав предупреждающее шипение.

— Я же тебя только купила, калымага ты недоделанная! — в сердцах воскликнула я, обиженно глядя на радиаторную решётку. — Беленькую Ксюша захотела, как же… Ну, папа, ну подсказчик! Насоветовал автосалон!

В порыве злости я со всей дури пнула переднее колесо и тут же со слабым писком согнулась пополам — пинать плотную резину открытой тонкой босоножкой было до слёз больно. Кое-как удержав равновесие, я прыгала на одной ноге, доставая из сумки телефон и лихорадочно соображая, чей номер из службы эвакуации мне теперь набирать.

Вдруг на полной скорости прямо рядом со мной, визжа тормозами, остановилась шикарная матовая спортивная машина. Дверь плавно распахнулась, и из салона уверенной походкой вышел высокий, статный парень в чёрной футболке, небрежно поправляя рукой тёмные волосы.

— Девушка, может, вам помочь? —

Я слегка прикрыла ладонью лоб, защищая глаза от слепящего солнца, вгляделась в его черты и пораженно замерла:

— Максим?!

Воронов на секунду оторопел, а потом его брови взлетели вверх от полнейшего изумления:

— Ксюнь?! Серьёзно?!

Он медленно оглядел меня с головы до ног, задерживая ошалелый взгляд на моих открытых ногах, короткой юбке и лёгком топе, пока я смущенно переминалась с ноги на ноги около дымящегося капота.

— У тебя что… личный водитель сбежал? — Макс растерянно стал оглядываться по сторонам, словно надеялся найти в кустах у обочины охрану Игоря.

— Я сама водитель, — буркнула я, гордо сложив руки на груди.

Макс лишь тихо, коротко захихикал, оценив мой воинственный вид.

— Ну надо же. Удивила так удивила. Ладно, давай посмотрю, что твоя белая красавица капризничает.

Он решительно подошёл к машине и бесстрашно залез под капот, вооружившись какими-то инструментами из своего багажника. Оказалось, проблема была банальной, но опасной для

новичка: у меня прямо на ходу сорвало пластиковый патрубок системы охлаждения, из-за чего весь антифриз мгновенно выкипел, и мотор едва не схватил перегрев. Макс провозился минут десять — ловко закрепил шланг новым хомутом, залил из своих запасов дистиллированную воду в бачок и с громким хлопком закрыл капот, вытирая испачканные в масле пальцы салфеткой.

— Всё, Ксюнь, жить будет, — улыбнулся он, поворачиваясь ко мне. — Но до сервиса я тебя на всякий случай всё-таки провожу. Мало ли что.

Я послушно следовала за его матовой машиной до самого автосервиса, молясь, чтобы моя закипевшая ласточка не заглохла на полпути. К счастью, мы благополучно добрались до места. Пока мою белую капризную машину осматривал опытный машинный доктор, мы с Максом решили не терять времени и сели в уютной кафешке прямо напротив сервиса, чтобы попить кофе.

— И давно ты здесь? — спросила я, с любопытством рассматривая Макса. За эти годы он сильно возмужал, в плечах раздался, а в глазах появилось что-то солидное, взрослое.

— Около месяца, — отозвался он, делая глоток горячего американо. — Сбежал от отца и его вечной нудной опеки. Создал здесь свой собственный строительный бизнес и пытаюсь доказать ему, что я сам всё могу. Без его связей и чековой книжки.

— Ну и как успехи? — я лукаво посмотрела на него, аккуратно отпивая свой латте.

— Честно? — Макс усмехнулся и устало откинулся на кожаную спинку кресла. — Дерьмово дальше некуда. Он мне постоянно ставит новые ультиматумы, а я, как послушный дурак, пытаюсь их выполнять. Но нынешний ультиматум я всё ещё никак не могу закрыть.

— И какой же, если не секрет? — уточнила я, подперев подбородок ладонью.

— Найти девушку.

Я от неожиданности даже поперхнулась кофе, громко откашлявшись, а Макс весело, раскатисто засмеялся на всё кафе, протягивая мне салфетку.

— Ты?! — я вытаращила на него глаза, когда восстановила дыхание. — Ты не можешь найти себе девушку, Воронов? Серьёзно? Да за тобой в академии толпы девчонок бегали!

— Не просто девушку, Ксюнь, а невесту, ясно? — посерьезнев, уточнил он. — Отец требует статусную, приличную партию. А это, поверь мне, сложнее некуда.

— Невеста… Да, это действительно сложно, — я иронично выгнула бровь. — Что, в столице совсем всё плохо с выбором приличных девушек?

— С выбором тут как раз круто, — Макс криво усмехнулся, крутя в руках чашку. — Но нет среди них той, которая реально бы подошла под его критерии. Ладно, а ты как? — он слегка замялся, его взгляд стал мягче. — Как твоя жизнь за эти года?

— Нормально, — тут же коротко проговорила я, переводя тему и принявшись задумчиво очерчивать пальцем тонкий край своей чашки. — Как видишь, выучилась на права, машину купила. Открыла галереи — в общем, всё сделала ровно так, как когда-то и хотела.

Макс лишь уважительно кивнул.

— Я знаю, Ксюнь. Был недавно в одной из твоих галерей в центре. Получилось просто нереально круто. Ты большая молодец.

— Спасибо, — тихо проговорила я, чувствуя, как внутри приятно разливается гордость за своё детище.

— А как… — Воронов внезапно запнулся, и я сразу поняла, о ком он хочет спросить. Воздух в секунду стал тяжёлым. — Как с Кириллом? Вы…

— Никак, — жестко и монотонно отрезала я, даже не дав ему договорить эту фамилию. — Мы не общаемся.

— Совсем? — тихо переспросил он, всматриваясь в мое лицо.

— Совсем, — окончательно подытожила я, ставя жирную точку. — Пожалуйста, Макс, давай просто не будем об этом. Прошлое в прошлом. В любом случае, спасибо тебе огромное, что помог. Удивительно было встретить тебя здесь, спустя столько времени.

— Да уж, это точно, — согласился Макс, тепло улыбнувшись. — Земля круглая, не иначе. Нас всё равно тянет в одни и те же места.

Я мельком посмотрела на экран своего телефона и слегка выругалась про себя. Время безжалостно поджимало, я уже катастрофически опаздывала в детский дом, а ведь мне там ещё предстояло разгружать тяжелые коробки с благотворительной помощью и новыми альбомами.

— В чём дело? — тут же спросил Макс, заметив, как я занервничала и начала собирать вещи. — Куда-то торопишься? Может, тебя довезти нужно? Тачку твою из сервиса потом парень пригонит прямо к нужному адресу, я договорюсь с мастером.

— Не хотелось бы тебя отрывать от твоих важных дел, Воронов, — проговорила я, натягивая лямку сумочки на плечо.

— Да я сегодня вообще никуда не спешу, Ксюнь, — абсолютно искренне отозвался он, поднимаясь вслед за мной и доставая бумажник, чтобы расплатиться по счету. — Говорю же, я полностью в твоём распоряжении.

Я встала из-за стола, поправила свою короткую юбку и посмотрела на его широкие плечи с благодарной улыбкой.

— Ну тогда… я буду очень рада ещё одной твоей помощи. Сильные мужские руки мне там сейчас точно не помешают.

Мы приехали по нужному адресу, и Макс, припарковав свою машину, даже громко присвиснул, во все глаза разглядывая масштабы огромного кирпичного здания детского дома.

— И что это за место? — удивленно спросил он, глуша мотор. — Что у тебя там вообще в коробках? И ты реально одна всю эту махину собиралась здесь таскать?

— Ну да, — я просто пожала плечами, открывая пассажирскую дверь. — А что в этом такого? Раньше как-то справлялась.

— На шпильках? Серьёзно? — Макс покачал головой, выходя вслед за мной и обходя капот. Он смерил мой образ оценивающим взглядом и тепло улыбнулся: — Знаешь, ты даже на этих своих каблуках умудряешься выглядеть идеально. Настоящая бизнес-леди на благотворительной миссии.

Я тут же смутилась от его слов, чувствуя, как щёки обдает румянцем.

— Спасибо, Воронов. Пошли уже, помощник.

Из дверей главного корпуса к нам навстречу тут же вышла директор.

— Боже, Ксюшенька, золото наше! Как же мы рады тебя видеть! — всплеснула руками Наталья Романовна.

В ту же секунду со двора и из здания с радостными криками повыбегали дети. Малыши и подростки облепили меня со всех сторон, наперебой обнимали, кричали комплименты, дергали за края юбки и наперебой просили:

«Ксюша, посмотри! Мы столько нарисовали! Выбери мои рисунки первыми для своей выставки!»

Я со смехом обнимала каждого, гладила по головам, смеялась и твёрдо обещала обязательно посмотреть абсолютно всё, что они приготовили.

Макс не остался в стороне. Он в несколько заходов легко перетаскал все тяжелые коробки с художественными материалами в игровую комнату. Дети, проявив солидарность, дружно помогали нам нести свертки полегче. Взамен мы забрали целую стопку новых детских шедевров, которые они усердно рисовали для моей галереи.

После разгрузки мы посидели с ребятами, поболтали обо всем на свете. Максим, к моему искреннему удивлению, без лишних уговоров включился в процесс: он вовсю бегал с мальчишками, играл с некоторыми из ребят в настольный футбол и что-то увлеченно им объяснял.

Я сидела в стороне и невольно залюбовалась этой картиной. Он всё-таки стал совершенно другим за эти года. Ответственным, взрослым, надёжным, что ли. В какой-то момент Макс, словно почувствовав мой пристальный взгляд, обернулся и весело подмигнул мне через всю комнату.

— Твой молодой человек очень красивый, Ксюшенька, — негромко проговорила Наталья Романовна, когда мы с ней чуть позже пили чай в её кабинете, наблюдая за шумом в игровой через открытую дверь. — Статный такой, уверенный. И дети, смотри, сразу к нему потянулись, а их не обманешь, они хороших людей за версту чуют. Хорошим будет отцом в будущем.

— Наверное, — я лишь смущенно повела плечами, опустив взгляд в свою чашку.

Я не стала разубеждать женщину и объяснять, что мы с Максом вообще не встречаемся, а связывает нас только старая дружба и общее прошлое. Ни к чему им были эти подробности нашей личной жизни.

Спустя ещё полчаса, собрав все папки с новыми рисунками, мы тепло поблагодарили Наталью Романовну за приём, пожелали детям хорошего дня и уехали обратно в сторону города. В салоне его машины пахло новой кожей и свежестью, а на заднем сиденье тихо шуршали плотные листы детского творчества, ради которых я была готова горы свернуть.

Максим привёз меня к самому дому и, посмотрев на его масштабы, широко заулыбался.

— Только не говори, что ты живёшь тут абсолютно одна, — проговорил он, глуша мотор своего автомобиля.

Я лишь загадочно улыбнулась в ответ.

— Не одна, — отозвалась я, открывая дверцу.

— Наконец-то! — заорал громкий мужской голос со стороны той части двора, куда вела уложенная плиткой тропинка к открытому бассейну.

На дорожку вывалился абсолютно сырой Павлик в одних плавательных плавках, шумно взъерошивая мокрые волосы.

— Я есть хочу смертельно! — запричитал он с порога.

Я лишь мученически закатила глаза, а Макс вышел вслед за мной из салона, с явным недоумением разглядывая полуголого парня. Воронов перевел на меня свой быстрый взгляд и даже слегка помрачнел на секунду, а потом на его лицо вернулась привычная улыбка.

— Пусть тебя твоя жена кормит, понял? — отозвалась я, направляясь к багажнику автомобиля, чтобы забрать папки с детскими рисунками. Рядом со мной тут же вырос Максим, перехватывая тяжёлую ношу.

— Жена? — искренне удивился он, переводя взгляд с Павлика на меня.

— Ну да, — отозвалась я как ни в чём не бывало. — Почему это я должна ему готовить? У него своя законная жена есть. Э-э-э… В общем, Максим, это Павел. Павел, это Максим. Муж Веры, — подытожила я для ясности, застегивая сумку. — И живём мы здесь втроём. Работаем, строим планы и всё остальное.

— Только не спим вместе, прошу заметить! — громко поправил меня неугомонный Павлик. — Я люблю только свою Верку!

Он со смехом весело подмигнул мне, а я в ответ в шутку замахнулась на него тяжёлой папкой. Макс лишь тихо усмехнулся, расслабленно наблюдая за нашей домашней сценой.

— Весело у вас тут, я погляжу.

— Можешь быть четвёртым, — без тени смущения бросил Павлик, легко утаскивая самую большую коробку в сторону моей личной постройки-мастерской, примыкающей к галерее. — Нашей тихоне уже давно нужна хорошая сексуальная разгрузка, а то она скоро от одиночества залезет на крышу особняка и будет выть на луну.

— Замолчи сейчас же! — крикнула я ему вслед, чувствуя, как лицо заливает пунцовый краской, и поспешно подхватила другую коробку. — Всё у меня просто супер, понял?!

— Конечно, конечно, — донёсся его эвакуирующийся хохот из глубины двора. — А будет ещё лучше, когда ты наконец-то впустишь к себе промеж ног хоть кого-то стоящего!

— Ну что за идиот, господи! — в сердцах крикнула я, от возмущения чуть не выронив свои документы из рук на траву.

Глава 3

Мы все вчетвером сидели у бассейна на заднем дворе. Вечерело. Солнце медленно сползало за горизонт, окрашивая небо над городом в мягкие персиковые и розовые тона. Мы с Верой лениво потягивали белое вино, наслаждаясь долгожданной вечерней прохладой, а Паша пил виски, развалившись на шезлонге. Он без конца бултыхал ногами воду в бассейне, брызгая на нас во все стороны и весело хохоча, словно ему было вовсе не двадцать шесть, а просто шесть лет.

— Паша, прекрати сейчас же! Всё платье мне зальешь, придурок! — Верка в очередной раз строго шикала на него, пытаясь увернуться от очередного фонтана брызг, но на её лице всё равно блуждала счастливая улыбка.

Макс сидел чуть в стороне на мягком ротанговом кресле. Он лишь тихо усмехался, крутя в руках высокий стакан с яблочным соком. Алкоголь он сегодня принципиально не трогал, помня, что ему ещё садиться за руль.

— Ты стал какой-то слишком правильный, Воронов, — заметила Вера, сделав небольшой глоток из своего бокала и с любопытством прищурившись. — Даже непривычно как-то тебя такого видеть. Где тот безумный мажор из академии?

Макс лишь слегка поджал губы в своей новой, непривычно спокойной улыбке и пожал плечами.

— Все люди меняются, Вер. Рано или поздно. Жизнь заставляет расставлять приоритеты по-другому, когда начинаешь заниматься серьёзным бизнесом.

— Ну да, ну да, — протянула Вера, а затем выразительно перевела на меня свой проницательный взгляд. — А вот кто-то у нас вообще не меняется. Сидят в своей творческой избушке, обложившись холстами, и дальше собственного носа ничего видеть не хотят. Три года сплошного затворничества.

Я лишь смущенно уткнулась носом в свой бокал, делая вид, что её намеки меня совершенно не касаются. Но Верку было не остановить.

— Скучно живешь, Ксюха! Вон, сходи тогда на свидание с Максом, раз вы оба у нас такие правильные и деловые стали! — со смехом бросила она, поднимаясь со своего шезлонга. — Всё, я пошла в дом за добавкой вина. Паш, помоги мне на кухне, принеси новые бокалы! — крикнула она мужу.

— Уже лечу, любовь моя! — тут же отозвался Паша.

Он с шумом вылез из бассейна, напоследок обдав нас с Максом целой тучей холодных брызг со своих мокрых ладоней, и побежал вслед за женой, оставляя мокрые следы на плитке.

— Нет, ну ребёнок же, ну что за человек! — искренне посмеялась я, вытирая капли воды с лица и крикнув ему вдогонку.

На заднем дворе внезапно воцарилась уютная, но немного потяжелевшая тишина. Мы с Максом остались вдвоём под первыми загорающимися звёздами, и я отчётливо почувствовала, как его внимательный взгляд снова медленно переместился на мое лицо.

— Извини, — буркнула ему я, неловко поведя плечами. — Они всегда такие. Ненормальные.

— Я не против, — проговорил он вдруг, ставя свой стакан и плавно пересаживаясь на шезлонг ко мне поближе. — Я не говорю про свидание прямо сразу, Ксюнь. Просто погулять по городу, посмотреть, где здесь что находится. Я Питер не видел, если честно. Вечно сидел в Москве, а как приехал сюда, то только и делал, что работал с утра до ночи. Было бы здорово. Посмотрел бы на разводной мост… Желание бы загадал, — он шутливо подтолкнул меня плечом, усмехаясь.

— Они не сбываются, — тихо отозвалась я, поглядывая на него через прозрачный край своего хрустального фужера. — Я загадывала раз десять. И всё абсолютно впустую.

— Ну, может, надо попробовать в одиннадцатый? — мягко предложил Макс, вглядываясь в мои глаза.

— Может быть, — негромко посмеялась я, чувствуя, как от его слов внутри немного отпускает тоска.

— Заеду завтра? — спросил он, выжидающе замерев.

Я посмотрела на его открытое, доброжелательное лицо, взвесила всё в голове, а потом согласно кивнула:

— Почему бы и нет? Я всё равно официально в отпуске с завтрашнего дня благодаря Гале и Вере.

— Отлично. — Он удовлетворенно улыбнулся и мельком посмотрел на свои наручные часы. — Ладно, Ксюнь. Поеду я. Твою тачку пригонят завтра утром прямо к дому, я уже обо всем договорился с мастером в сервисе.

Он тут же поднялся на ноги, допивая остатки сока.

— Сколько я должна за ремонт? — тут же отозвалась я, приподнимаясь на шезлонге и собираясь потянуться за сумочкой.

— Ничего. Правда, — Макс отрицательно покачал головой. А потом на секунду задумался и лукаво, с явной издевкой постучал указательным пальцем по своей щеке, выжидающе глядя на меня: — Но если тебе очень хочется отблагодарить своего спасителя…

Я лишь тихо посмеялась над этим его старым, чисто мажорским подкатом, поднялась и всё же послушно чмокнула его в гладко выбритую щёку.

— Всё-таки остался точно таким же, каким и был, — шутливо прошептала я ему прямо на ухо.

— Ну, может, самую чуточку, — отозвался он с ответной теплой улыбкой.

Макс внезапно притянул меня за талию к себе, мягко удерживая, и тоже нежно поцеловал в щёку. От него приятно пахло дорогим парфюмом.

— Добрых снов, Ксюнь.

— Добрых, — отозвалась я, мягко отстраняясь.

И он уверенным размашистым шагом ушагал в сторону ворот, где стояла его машина.

— Не провожай! — донеслось уже из темноты двора. — Завтра в восемь вечера я у твоего дома!

— Ладно! — крикнула я ему вдогонку и со вздохом облегчения плюхнулась обратно на свой мягкий шезлонг, блаженно вытягивая уставшие за день ноги.

Над головой окончательно раскинулось тёмное питерское небо, а в голове впервые за долгое время не было паники.

Время близилось к восьми часам вечера следующего дня. В моей комнате стоял невероятный бардак, а Вера крутилась около меня как хищник у свежего мяса, контролируя каждый шаг и критически оценивая малейшую деталь моего образа.

— Это не свидание, — в сотый раз упрямо повторила я, застегивая на талии тонкий чёрный ремешок широких белых брюк со стрелками, которые она мне буквально силой впихнула в руки.

— Свидание, не свидание — какая вообще разница? — Верка раздраженно взмахнула руками, даже не слушая мои оправдания. — Свободный, чертовски статный парень везет тебя тёплым вечером гулять по Питеру. Ты должна быть неприлично красивой, ясно тебе? Это закон. И… стоп! Это ещё что такое?! Куда ты это натягиваешь?

Она резко затормозила, округлив глаза, и яростно указала пальцем на кровать, где на покрывале лежало тончайшее чёрное кружевное бельё.

— Я это тут для кого, спрашивается, положила? А ну снимай свои панталоны, давай! Живо!

— Я не буду переодеваться! — заупрямилась я, чувствуя, как щёки мгновенно начинает припекать от смущения. Я крепко вцепилась в пояс брюк. — Мне в моём хлопке максимально комфортно и удобно, отстань, Вер! Мы просто идём смотреть мосты!

— Будешь, не будешь, как там вечер повернется — никто заранее не знает, поняла? — безапелляционно отрезала подруга, упирая руки в бока и надвигаясь на меня. — Давай натягивай кружево, Ксюха, или я сейчас лично на тебя его надену! У тебя месяц отпуска, врубай женщину!

— Боже, ну за что мне досталась эта сумасшедшая женщина… — мученически простонала я в потолок, понимая, что спорить с ней в режиме стилиста-террориста абсолютно бесполезно.

Кое-как переборов себя, я всё-таки стянула брюки обратно,послушно переодеваясь в её кружевной комплект, от которого кожа мгновенно покрылась мурашками. Поверх я надела облегающий черный топ с полностью открытыми плечами и длинными рукавами. Волосы Вера уложила мне в потрясающие, объемные и крупные кудрявые локоны, которые пышной золотистой копной рассыпались по плечам. Финальный штрих — изящная чёрная сумочка на плечо и аккуратные туфли с острым носом. Из зеркала на меня смотрела настоящая, роскошная бизнес-леди, в которой угадывалась пугливая, манящая нежность.

По итогу ровно к восьми часам вечера я наконец-то спустилась вниз. Заглянув в панорамное окно холла, я невольно улыбнулась: у ворот дома Макс уже вовсю подпирал крыло своей блестящей машины, расслабленно засунув руки в карманы брюк и о чём-то увлеченно болтая с Пашей, который вышел встретить гостя в домашней одежде.

Увидев меня, Макс тут же широко улыбнулся. Он плавно обошёл капот машины и учтиво открыл передо мной пассажирскую дверь. Пожалуй, он тоже был одет хорошо. Светлые брюки со стрелками, стильное поло в тон и дорогие лоферы — весь его образ так и дышал этой легкой, небрежной роскошью. Воронов сразу же сделал шаг навстречу и мягко чмокнул меня в щёку, заставив меня в очередной раз густо смутиться.

Но дойти спокойно до салона мне предсказуемо не дали.

— Ксюха! Кружевные трусики потом обязательно забирай домой, поняла?! — оглушительно крикнула с крыльца Вера, складывая ладони рупором у рта. — Оно слишком дорогое, чтобы так просто дарить его Максу! Обойдётся!

Пашка рядом с ней мгновенно оглушительно заржал на весь двор, согнувшись пополам.

— Ей-богу, я больше не могу с ними… Психи, — панически зашипела я сквозь зубы, пулей прячась в салон машины и мечтая провалиться сквозь землю.

Максим тоже весело посмеялся, качая головой и крикнул ребятам:

— Не переживайте, позже в целости и сохранности привезу!

— Да можешь вообще не привозить её до самого утра! — тут же весело отозвался Пашка, подмигивая Воронову. — А лучше вообще на два дня в своей спальне закрой и помеси её там как следует! Чтобы эта её вечно кислая затворническая мина наконец-то пропала!

Пашка напоследок весело подмигнул мне через лобовое стекло, а я, не выдержав, показала ему из салона средний палец. Он с ходу, не задумываясь, со смехом продемонстрировал мне в ответ точно такой же, а потом шутливо отправил воздушный поцелуй.

Макс запрыгнул на водительское сиденье, завёл мотор, и под тихий рокот выхлопа мы наконец-то уехали со двора, оставляя моих сумасшедших друзей позади.

Мы приехали к набережной как раз вовремя. До разведения мостов оставалось немного времени, и пока мы ждали начала этого зрелища, просто лениво бродили у воды и болтали обо всём на свете.

— Макс, ты извини за моих придурков, — неловко буркнула я, вспомнив крыльцо дома и вопли Веры с Пашкой. — Они вечно не думают, что несут.

— Да ладно тебе, Ксюнь, всё нормально, — весело отозвался он, пряча ладони в карманы брюк. — Пашка всегда был с юмором. Зато у вас дома точно не соскучишься.

Он вообще не спрашивал меня про мою личную жизнь за эти три года, ни единым словом не намекал на прошлое, и за эту чуткость я была ему безумно, искренне благодарна. Мне было легко с ним. Пока мы молча смотрели на тёмную воду и яркие неоновые огни, отражающиеся в реке, его телефон настойчиво зазвонил. Макс бросил быстрый взгляд на экран, слегка отошёл в сторону и ответил на вызов. Разговаривая по телефону, он не отрывал от меня глаз — то хмурился, слушая собеседника, то недовольно поджимал губы.

— Понял, — коротко бросил он в трубку и нажал на отбой.

Макс подошёл ближе к бетонным перилам набережной, тяжело облокотился на них и со вздохом взъерошил свои кудрявые волосы.

— В чём дело? — спросила я, устраиваясь рядом и заглядывая в его потяжелевшее лицо.

— В среду в городе будет крупный вечер от благотворительного фонда, — заговорил он, глядя на воду. — Отец приедет лично.

— И? — тут же уточнила я. — В чём проблема?

— И я по глупости сказал ему в прошлый раз, что у меня здесь появилась невеста, — Макс криво усмехнулся, качнув головой. — Думал, прокатит, понимаешь? Рассчитывал, что пока его нет в городе, быстро найду кого-нибудь на эту роль для галочки.

— Но ты не нашёл?

— Не нашёл, — он снова отвернулся, хмуро разглядывая реку.

И прямо в этот момент огромные пролёты моста впереди медленно, величественно поползли вверх, разрезая ночное питерское небо. Вспыхнули миллионы огней, и толпа на набережной восторженно загудела.

— Ну, раз такое дело… просто загадай сейчас желание, — проговорила я с мягкой улыбкой, кивая в сторону поднимающегося моста. — И, может быть, твоя невеста прямо сейчас возьмёт и появится из ниоткуда.

Я отвернулась к воде, прикрыла глаза и сама невольно стала загадывать своё собственное, глупое, затаенное глубоко в сердце желание. Не знаю, зачем я это делала из раза в раз, ведь сама же говорила, что они не сбываются, но по привычке всё равно загадывала.

— Загадал, — негромко отозвался Макс, поворачиваясь ко мне.

— И я, — тут же отозвалась я, открывая глаза, и мы оба негромко, понимающе посмеялись.

Мы гуляли очень долго, наматывая километры по ночным улицам. В какой-то момент, сама не поняла когда и как это вышло, я расслабилась и стала уверенно держать его под локоть. Мы шли плечом к плечу, громко смеясь и вспоминая наше общее прошлое в академии. Вспоминали, какими мы тогда были придурками, и как на его выпускном вечере он знатно перепил, потерял координацию и эпично грохнулся прямо со сцены посреди всеобщей вечеринки.

— Будь моей невестой, — вдруг совершенно серьёзно проговорил он.

Я от неожиданности буквально поперхнулась собственным смехом и замерла на полпути посреди мощеной дорожки, округлив глаза.

— Точнее… подыграй мне в эту среду? — быстро исправился Макс, выжидающе глядя на меня. — Всего один вечер. Ну, или два, если отец задержится. Спаси меня, Ксюнь.

Я внимательно всматривалась в его лицо. На нём не было прежней наглости — оно было такое непритворно печальное и уставшее.

— Настолько всё плохо? — тихо проговорила я.

Макс обречённо кивнул.

— Если не покажу ему невесту в среду, он силой заставит меня вернуться в Москву и работать исключительно на него, в его корпорации. Как пса на поводке таскать будет всю жизнь по своим поручениям. А я ведь здесь, в Питере, только-только стал обустраиваться, кровью и потом строить своё собственное личное дело. И оно ведь, Ксюнь, пока что идёт действительно хорошо.

Я замялась, кусая губы и глядя на свои туфли. Мысль о вранье пугала, но Воронов выглядел слишком загнанным в угол.

— Ладно, — выдохнула я, сдаваясь. — Подыграю. Но… — я запнулась, приподнимая бровь. — Что ты скажешь ему потом? Когда всё закончится?

Макс облегчённо выдохнул, и его плечи заметно расслабились. Он беззаботно пожал плечами:

— Уверен, потом он уже окончательно отстанет. Я к тому времени подниму бизнес на новый уровень, стану полностью независимым. А отцу просто скажу через месяц, что у нас с тобой… ну, не получилось. Не сошлись характерами.

— Отлично. Но чур, виноват в нашем громком «расставании» будешь исключительно ты! — посмеялась я, шутливо ткнув его пальцем в грудь.

— Договорились, — с готовностью проговорил он. — Спасибо тебе, Ксюнь. Огромное спасибо.

Макс резко подался вперёд, крепко притянул меня к себе, обнимая за плечи, и с благодарно уткнулся носом мне прямо в шею. Я от неожиданности и щекотки тут же громко ойкнула.

— Ай! Воронов, у тебя жутко холодный нос! — посмеялась я, пытаясь увернуться.

Но он, поймав эту волну веселья, стал нарочно, со смехом зарываться лицом мне в плечо, щекоча кожу кудрями. Мы дурачились на безлюдной набережной как маленькие дети, громко смеялись, и мне впервые за долгое-долгое время внутри стало так спокойно, тепло и по-настоящему хорошо.

В какой-то момент, запыхавшись, мы резко замерли в полушаге друг от друга. Тяжело дыша, мы молча посмотрели друг другу прямо в глаза. Воздух между нами в секунду наэлектризовался, неоновые огни города заплясали в его зрачках.

— Прости, — тихо, с хрипотцой проговорил Макс.

— За что? — прерывисто, едва слышно спросила я, чувствуя, как сердце делает сумасшедший кульбит.

— За это, — выдохнул он.

И в ту же секунду Макс уверенно притянул меня к себе за шею и поцеловал. Мятный, прохладный поцелуй мгновенно сковал мои губы. Я на долю секунды замерла от шока, а потом… зачем-то сама сразу же ответила на его напор, закрывая глаза. Наверное, мне просто до безумия, до боли в груди хотелось этой мужской ласки, защиты и тепла, которых я была лишена три года. В той или иной степени Макс был мне уже хорошо знаком. Он знал меня настоящую. И это привычное доверие позволило мне поддаться его губам. Мне отчаянно, безумно хотелось понять: могу ли я наконец перешагнуть через своё прошлое? Могу ли я начать что-то совершенно другое? С кем-то другим, кроме Кирилла?

Спустя время, когда губы стали слегка неметь от непривычки, я мягко отстранилась, опустив взгляд вниз.

— Извини, — тихо проговорила я, делая небольшой шаг назад.

Внутри меня в этот момент все сжалось от испуга. Я панически боялась увидеть в его глазах что-то ещё — какую-то серьёзную надежду, искру или зарождающееся чувство. Мне меньше всего на свете хотелось давать ему ложные надежды на наше общее будущее, которого я дать не могла.

Чтобы как-то разрядить эту внезапно потяжелевшую, интимную атмосферу, я подняла на него взгляд и заставила себя улыбнуться.

— Сегодня мои трусики останутся на мне, — решила пошутить я, вспоминая напутствие Веры.

Макс на секунду оторопел, а затем тут же громко, облегченно засмеялся, снова притягивая меня к себе ближе за талию.

— А я ведь уже искренне надеялся оставить их себе на память, — в тон мне пошутил он, ласково поглаживая меня ладонью по спине через ткань топа. — Ладно, Ксюнь, пойдем обратно к машине. Ты, я смотрю, замерзла уже совсем, а я ведь даже куртку с собой из салона не взял, защитник хренов.

— Все хорошо, — тихо отозвалась я. — Спасибо тебе за вечер.

Мы постояли так ещё немного в обнимку прямо посреди остывающей набережной. Я уткнулась щекой в его теплую грудь, бездумно глядя куда-то в далекую, мерцающую даль огней. Макс мерно дышал, сжимая меня в своих руках, а в моей голове в этот самый момент набатом, с сумасшедшей силой начало стучать отчётливое, безжалостное осознание.

Это неправильно. Всё это — абсолютная, глупая ошибка.

Я не люблю его. Макс хороший, надёжный, взрослый, но я ничего к нему не чувствую, кроме дружеского тепла. Но как мне быть дальше? Как жить, если за все эти три года разлуки я так и не смогла полюбить никого другого, кроме Кирилла? А самого Кирилла я до безумия, до крика в темноте ненавижу за то, что всё ещё продолжаю так отчаянно любить.

В машине на обратном пути мы почти не разговаривали, погруженные каждый в свои мысли. Макс, как и обещал, бережно довез меня до самого дома, пожелал доброй ночи и уехал. А я, поднявшись к себе и проскользнув мимо спящих Веры и Паши, легла на кровать и до самого рассвета пролежала без сна.

В голове до сих пор стоял мятный вкус чужого поцелуя, который не принёс мне ничего, кроме чувства вины перед самой собой. Часы показывали четвёртый час утра.

Поняв, что уснуть у меня не получится, я тихо поднялась с кровати, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить ребят. Накинула одежду потеплее — плотный оверсайз-свитер и мягкие спортивные штаны — и бесшумной тенью спустилась на первый этаж, а оттуда прошла в свою каморку-мастерскую. Это было моё личное, скрытое от всех убежище, где пахло масляной краской, разбавителем и свежим деревом.

Я не зажигала верхний свет, включив лишь тусклую настольную лампу в углу. Подошла к дальнему стеллажу, где за плотной драпировкой пряталась она. Моя самая главная, мучительная тайна. Настоящий холст, который я так и не смогла выставить.

Я достала картину и просто опустилась перед ней на пол, поджав под себя ноги. Из глаз хлынули горячие, сдерживаемые изо всех сил слёзы. Каждая угольная линия, каждый рваный мазок дышали им. Его запахом, его хриплым голосом, его собственническим «ты моя». Я прорыдала перед холстом ещё какое-то время, захлебываясь от собственной беспомощности и невыносимой тоски, пока силы окончательно не покинули меня. Усталость сделала свое дело — я свернулась калачиком прямо на небольшом коврике у подножия мольберта и уснула прямо там, в обнимку со своей вечной, неистребимой болью.

Глава 4

Кирилл

За эти три года я полностью превратился в того, кого когда-то искренне презирал — в холодного, расчетливого мужчину в строгом дорогом костюме, с вечно ровной спиной и тяжелым, не прощающим ошибок взглядом начальника. О ребяческих шмотках и бунтарских замашках прошлых лет пришлось забыть раз и навсегда. На моем лице закрепилась стальная строгость человека, который держит в узде многомиллионные оборотные капиталы и не дает спуску ни конкурентам, ни собственным подчиненным.

Отец практически полностью отошел на второй план в делах компании. Игорь Чернов наконец-то позволил себе расслабиться и стал гораздо больше времени посвящать жизни с женой, оставляя управление корпорацией на меня. Я стал его главным, безоговорочным преемником, и за эти три года доказал, что умею выгрызать контракты зубами.

— Ты поедешь на благотворительный вечер завтра? — негромко проговорил отец, сидя в моем просторном кабинете. Он вальяжно сложил нога на ногу в глубоком кожаном кресле и неторопливо пил виски, покачивая тяжелый стакан.

— Да, билет уже куплен, — отозвался я, даже не поднимая головы от кипы документов на столе и продолжая уверенно подписывать договора. — Это отличная встреча для заключения новых партнерских соглашений, а также хороший повод показать компанию с правильной, репутационной стороны перед инвесторами.

Отец довольно кивнул. Он всегда молча кивал в последнее время, когда понимал, что я и без его подсказок прекрасно справляюсь с бизнесом. У меня было целых три года, чтобы до последней капли прочувствовать всю глубину этой корпоративной рутины. И целых три года, чтобы окончательно понять: во всем остальном мире, за пределами этих стеклянных стен и цифр, я полный, абсолютный ноль. Без Ксюши моя личная жизнь превратилась в выжженную пустыню. Я не подпускал к себе ни одну девушку, храня эту чертову верность своей сбежавшей Ванили, и периодически просто топил эту удушающую тоску на дне стакана, разнося в щепки мебель в своей спальне. О «Грозовом небе», которое висело над моей кроватью, напоминать себе не приходилось — я видел его каждую ночь. И от этого становилось тошно.

— Постарайся держать голову на плечах, Кирилл, — наставительно проговорил отец, прерывая тишину кабинета и ставя пустой стакан на комод. — Сейчас не время снова срываться в свои… привычные пике. На кону стоят очень серьезные тендеры.

— Я тебя услышал, — проговорил я, сжав кулак под деревянной столешницей стола.

Желваки на моей челюсти заходили ходуном. Зачем он сейчас вообще лезет мне в душу со своими советами, когда мне и так паршиво дальше некуда? Зачем напоминает о контроле, если внутри меня уже три года без остановки полыхает ад?

Я дождался, пока за отцом закроется дверь кабинета, устало откинулся на спинку кресла и потер переносицу.

Днём следующего дня я уже был в Питере. Заранее снятый загородный коттедж встретил меня тишиной и прохладой. Я быстро разместился там вместе со своей охраной, скинул дорожную сумку и сразу же отправился в один из наших местных филиалов по делам.

Этот день с самого утра обещал быть сложным и тяжёлым. А вечерний банкет — ещё более изнурительным. Я до скрежета зубов ненавидел эти бизнес-встречи. Фальшивое светское общение, пустая болтовня и лицемерные улыбки никогда не были про меня.

Особо выносили мозг скользкие, оценивающие взгляды женщин, которые крутились на таких вечерах, и их слащавые, дешёвые подкаты к молодому преемнику огромной корпорации. Всё это вызывало у меня только раздражение и тошноту. Внутри всё так саднило, что я был

абсолютно уверен: завтра, как только закроются эти чёртовы тендеры, я снова сорвусь на некоторое время в жесткий запой, чтобы хоть как-то заглушить эту бесконечную пустоту.

Глава 5

Я сидел в большом конференц-зале, где было полно таких же, как я — молодых и амбициозных преемников, крупных инвесторов и акул бизнеса. И прямо среди них, через несколько стульев от меня, сидел Макс Воронов. Он не здоровался со мной, не говорил и даже принципиально не смотрел в мою сторону. С того самого проклятого дня, когда моя Ваниль сбежала от меня из особняка, я поклялся себе больше никогда не иметь с этим ублюдком ни общих дел, ни дружбы. Но жизнь раз за разом продолжала издевательски швырять меня в ситуации, где мне приходилось лицезреть эту наглую кудрявую рожу. Мне и без его партнерства, без его союзов и подписей более чем хватало бабок, корпоративных активов и влияния. Поэтому я его в качестве потенциального союзника на этих тендерах даже не рассматривал. Он просто был тут, сидел молча, как ядовитый паук в углу комнаты, собирая вокруг себя мелких подрядчиков.

Официальная, душная часть переговоров подходила к концу, когда с места поднялся его отец — старший Воронов, влиятельный и суровый московский магнат. Он обвел присутствующих гордым взглядом и во всеуслышание объявил на весь зал:

— Господа, я искренне рад видеть здесь столько достойных партнеров. Но отдельную гордость у меня сегодня вызывает мой сын Максим. Он доказал, что может твердо стоять на ногах, сам строит свое крупное дело здесь, в Питере, и, признаться, он знатно порадовал старика. Мой сын наконец-то остепенился и обзавелся невестой.

По залу пронесся одобрительный гул и вежливые аплодисменты. Старик довольно ухмыльнулся, поправляя дорогие часы на запястье.

— Сегодня вечером мы все увидим её на официальном приеме в благотворительном фонде, — продолжал вещать его отец, светясь от удовлетворения. — И, признаться честно, я сам сегодня впервые лично увижу и оценю невесту своего сына. Надеюсь, Максим, твой вкус меня не разочарует.

Я мельком скосил глаза в сторону бывшего друга. Стоило отцу заговорить о женитьбе, как Макс заметно напрягся. Его плечи под пиджаком на секунду окаменели, и он быстро, нервно мазнул по мне взглядом, словно проверяя мою реакцию. Но Воронов тут же мастерски взял себя в руки и накинул свою привычную, дебильную маску абсолютной уверенности. На его лице расплылась широкая, наглая улыбка.

— Уверен, отец, она тебе безумно понравится, — громко, с нарочитой гордостью отозвался он на весь зал, откидываясь на спинку кресла. — Она у меня настоящая красавица. Глаз не оторвешь.

Я лишь цинично усмехнулся про себя, крутя в пальцах дорогую ручку и упрямо глядя в окно, за которым разгорался жаркий вечер. Мне было глубоко плевать, какую очередную пафосную столичную куклу Макс решил притащить на ужин, чтобы ублажить своего старика и сохранить доступ к семейным миллионам.

В моей голове по-прежнему шуршали только одни платиновые локоны, и ни одна барышня в этом зале не стоила и секунды моего внимания. Я ждал вечера только ради того, чтобы забрать документы по тендеру и уехать в коттедж пить виски.

По окончании всех этих унылых официальных бесед я сразу же вернулся в свой загородный коттедж, чтобы переодеться. Сбросил дневной пиджак и натянул строгий, идеально сидящий угольно-черный костюм и такого же цвета рубашку, расстегнув верхние пуговицы. Перед самым выходом я по привычке сунул руку в карман брюк и проверил сложенный в несколько раз небольшой плотный лист бумаги.

Это был мой личный, самый главный талисман для всех удачных сделок. Когда-то, в нашу счастливую неделю, его нарисовала моя Ваниль. Схематичные, но такие живые штрихи — наш первый поцелуй. Она тогда со смущенной улыбкой отдала его мне и тихо сказала, что это на

удачу. И, блять, это действительно работало. Удача всегда была на моей стороне, когда этот листок лежал у моего сердца. Это было проверено уже сотни раз: стоило мне забыть его дома, как крупные контракты срывались, а переговоры шли к чертям. А может… может, я просто сам отчаянно заставлял себя в это верить, лишь бы легально таскать с собой её частичку.

Приехал я на благотворительный вечер вовремя. Народу в роскошном, залитом светом зале собралось уже просто бешеным количеством. Мимо меня то и дело лениво сновали официанты с подносами, и я дежурным движением взял себе какой-то напиток, но так и не прикоснулся к нему за весь вечер. Не знаю почему, но мне было до тошноты противно пить в незнакомых местах с того самого проклятого дня рождения. Я ни черта тогда не помнил после одного-единственного бокала, и повторять этот ад сейчас, в чужом городе, не имел никакого желания. Для вида я просто таскал тяжелое стекло в руке, вежливо общался с какими-то важными людьми, послушно улыбался там, где этого требовал бизнес-этикет, и даже фальшиво смеялся над тупыми шутками инвесторов.

Пока огромные стеклянные двери на входе в зал снова плавно не разъехались.

В помещение уверенной, грациозной походкой вошел Макс. Под руку с…

Ксюша.

Внутри меня всё мгновенно замерло, а сердце с размаху врезалось в ребра. Воздух в легких превратился в раскаленный свинец. Я всё ещё, вопреки трем годам разлуки и тишины, продолжал считать её исключительно своей девчонкой. Я ведь так и не смог тогда объясниться, не смог сказать всё, что было нужно, не успел доказать, что чист перед ней. Но теперь… теперь Макс шел по ковровой дорожке вместе с ней. С невероятно красивой, повзрослевшей, статной и роскошной женщиной. Она была в умопомрачительном черном платье в пол с экстремальным разрезом до самого бедра, полностью открывающим её идеальные длинные ноги, и с маняще обнаженными плечами. За три года она расцвела так, что у меня потемнело в глазах.

Они ласково улыбались друг другу, о чем-то тихо переговаривались и крепко, уверенно держались за руки.

И тут до моей тупеющей башки наконец доперло, и я окончательно охренел. Вот почему этот кудрявый ублюдок так сильно напрягся днем в конференц-зале, когда его отец заговорил о свадьбе. Его невеста. Моя Ваниль — невеста Макса.

Я не знаю, каких титанических, сумасшедших усилий мне стоило удержать себя на месте и прямо сейчас не броситься вперед, чтобы разнести к чертям весь этот пафосный зал вместе со всеми его инвесторами. Челюсти сжались с такой силой, что зубы скрипнули на весь радиус. А чего я, собственно, вообще ждал все эти три года? Что она, как и я, будет послушно сидеть в своей каморке в полном одиночестве, чахнуть над холстами и преданно ждать дикаря, который её так грязно предал?

Я заставил свое лицо превратиться в каменную, абсолютно равнодушную маску. Я не подал и виду, что мне прямо сейчас безумно хреново, а душу натурально выворачивает наизнанку от этой картинки. Но всё моё тело едва держалось на чистых, звериных рефлексах, чтобы прямо посреди этого благотворительного вечера не сорваться с места и не расколотить наглую вороновскую рожу в кровавое месиво.

Она вернулась. Но она пришла не ко мне.

Она даже не замечала меня в этой огромной, гудящей толпе, и я впервые в жизни ощутил растерянность. Не знал, нужно ли мне вообще теперь напоминать о себе — сейчас, когда она выглядит такой счастливой с другим. Внутри, пробивая броню злости, зашевелилось какое-то странное, извращенное любопытство. Было безумно интересно: долго ли Макс её завоёвывал? Как именно он сделал ей предложение? Где? Ведь всё это должен был сделать я. Это чёртово кольцо в кармане должно было принадлежать ей ещё три года назад от моих рук.

Я принял единственное решение — уйти, пока не натворил глупостей. Но стоило мне развернуться, собираясь скрыться в глубине этого людского муравейника, как Ксюша, плавно повернув голову, наткнулась прямо на мой пристальный взгляд.

Мир вокруг нас словно оглох и замер. Я мог бы поклясться на чём угодно, что в её расширившихся серо-голубых глазах на долю секунды промелькнуло что-то тёплое. Какая-то узнаваемая, родная искра, от которой у меня внутри всё перевернулось. Но это длилось буквально мгновение. В следующую секунду Макс уверенно утащил её за руку в сторону своего отца, и зрительный контакт разорвался.

Пошло всё нахер. Я передумал уходить.

Я остался стоять у колонны, незаметно двигаясь по залу и наблюдая за каждым её мимолетным взглядом, фальшивой улыбкой и каждым осторожным шагом. Я ловил её силуэт среди сотен других, и чем дольше я смотрел, тем отчетливее понимал: это была не она. Не та Ксюша, которую я знал до единой родинки. Я чувствовал, что прямо сейчас она ненастоящая. На ней была маска. Даже это роскошное черное платье с разрезом, от которого у всех мужиков в зале текли слюни — оно буквально кричало о том, что ей в нем некомфортно. Она то и дело пугливо поправляла невидимые складки на бедре, неловко вела плечами и держалась как-то слишком зажато, аккуратно, словно боялась сделать лишний вдох.

Стала ли она после меня такой неуверенной, потому что я был у неё первым, или все же была другая причина? Может, её сковало оттого, что она увидела меня? Или этот урод Макс специально притащил её сюда, зная, что я буду здесь, чтобы молча показать мне:

«Смотри, Чернов, ты просрал лучшую женщину в мире, и теперь она моя»?

Нет. Не бывать этому. Точно не с ним. С кем угодно другим я бы смирился, переболел, выстрадал, но только не с ним.

Спустя какое-то время она совсем потерялась из вида в этой душной, колышущейся толпе. Внутри всё горело так, что дышать стало нечем. Я оставил свой нетронутый бокал на каком-то столике и вышел на улицу, чтобы просто покурить. Но стоило мне выйти на просторный закрытый балкон, как я наткнулся на неё. Она стояла у перил, зябко обхватив себя руками и глядя на ночные огни.

Я молча стащил с себя пиджак, быстро огляделся по сторонам и, тихо прикрыв за собой стеклянные створки, аккуратно накинул плотную ткань ей на плечи. Ксюша тут же испуганно вздрогнула, ведя плечом, но оборачиваться не стала, мгновенно узнав меня по шагам.

— Выглядишь прекрасно, — отозвался я, вставая рядом и доставая сигарету.

— Спасибо, — тут же тихо проговорила она.

В её голосе не было прежней злобы, не было колючего раздражения, как в академии. Просто тихое, пугливое «спасибо». Но мне от этого её тона уже невыносимо хотелось сорваться — украсть её прямо отсюда, закинуть в машину и забрать себе в норку, потому что она и так моя. До последней клеточки кожи.

— Поздравляю, — отозвался я, чиркая зажигалкой, и Ксюша плавно повернула ко мне голову.

Я упрямо не смотрел на неё — уставился в темную даль городских огней, потому что панически боялся сорваться. Знал, что не вынесу сейчас её близкого взгляда, её губ.

— С чем? — негромко проговорила она, и её кудри качнулись от легкого ветра.

— Со свадьбой, — проговорил я.

И всё же не выдержал — повернул голову и посмотрел ей прямо в глаза. Ксюша лишь как-то странно, горько усмехнулась. Она запустила тонкие пальцы в свои волосы, поправляя локоны, словно ей что-то мешало прямо сейчас дышать и говорить.

— Спасибо, — тихо проговорила она.

А затем она плавным движением сняла с себя мой пиджак, аккуратно протянула его мне обратно и… ушла. Скрылась за стеклянными дверями, возвращаясь в душный зал.

— Идиот, — ядовито шикнул я на самого себя, оставаясь в полном одиночестве.

Я прижал к лицу возвращенный пиджак и сделал глубокий вдох, жадно вдыхая её аромат, оставшийся на подкладке. За три года он остался всё тем же. Самым родным.

Глава 6

Притворяться в этом пафосном серпентарии с каждой минутой становилось всё сложнее. Фальшивая улыбка наотрез не хотела налезать на лицо, губы онемели от напряжения, а в горле стоял ком. Я пила шампанское бокал за бокалом, надеясь, что алкоголь хоть немного притупит эту боль в груди. Максим куда-то пропал — его то здесь, то там таскал за собой суровый отец, знакомя с нужными инвесторами и напыщенными чиновниками. А я осталась одна. И пила. Много. Часто.

Я физически, каждой клеточкой кожи чувствовала этот тяжелый, неотрывный следящий взгляд из глубины зала. И от этого мне отчаянно хотелось сбежать. К нему и от него одновременно. Дико хотелось прямо сейчас подбежать, крепко обнять его, уткнуться носом в жесткую ткань черного костюма и закричать на весь этот зал, что я люблю его, люблю все эти проклятые три года. И в ту же секунду — ударить со всей силы в грудь, выплюнуть в лицо всю свою обиду за то, что он тогда так грязно, безжалостно разломал меня, словно хлипкий, ненужный холст.

Я потянулась к очередному проходящему мимо официанту, но кто-то бесшумно подошел ко мне со спины и просто забрал бокал прямо из моих пальцев, уверенно отставив его в сторону на фуршетный стол.

— Ты ведь помнишь, что ждет тебя потом? — донесся до меня хриплый голос прямо над ухом. — Сначала пьяное признание в любви, а на утро ты снова станешь жалеть.

Я замерла, продолжая упрямо глядеть в даль зала и не оборачиваясь. Сердце забилось где-то в районе горла.

— Не думаю, что это худшее из всего того, что сейчас здесь есть, — тихо проговорила я, пытаясь удержать ровный тон.

А когда всё-таки обернулась и подняла голову, мой взгляд уже ощутимо затуманился от выпитого алкоголя. Кирилл стоял вплотную, высокий, пугающе красивый.

— Я тебя ненавижу, слышишь? — прошептала я, подаваясь чуть вперед и склоняясь к нему, чтобы среди грохота оркестра слышал только он один. — Терпеть тебя не могу.

Я видела, как его челюсть мгновенно сжалась, а лицо превратилось в каменную маску.

— Вечно ты за ней прячешься, Чернов, — горько отозвалась я, осмелев от шампанского и пьяно тыкая пальцем ему прямо в грудь.

Он поймал мой жест, и его глаза потемнели, выдавая, что он прекрасно понял, о чём я говорю. О его вечной броне.

— Я не знаю, что тебе от меня нужно, но просто не подходи ко мне больше, понял? — я слабо махнула на него рукой, требуя, чтобы он свалил обратно в свою темноту.

Он жестко перехватил мою ладонь в воздухе и удержал в своих больших, горячих пальцах. Посмотрел на мои пальцы и ядовито усмехнулся:

— У тебя нет кольца, Ваниль.

Я растерянно моргнула, пытаясь сфокусировать зрение.

— Невеста? И без помолвочного кольца на таком важном представлении перед строгим отцом? — Кирилл издевательски выгнул бровь, глядя на меня сверху вниз. — Серьезно?

Я тут же замерла, испуганно глядя сначала на одну свою руку, потом на другую. Паника ледяной волной трезвления ударила в голову.

«Черт, точно, кольцо!»— пронеслось в мыслях.

Мы с Максом в этой суматохе совершенно забыли про эту чертову деталь!

— Я… я просто сняла его перед выходом, чтобы случайно не потерять в толпе, — судорожно соврала я, упрямо вскидывая подбородок. — Оно настолько дорогое и красивое, что просто не сочеталось с моим сегодняшним нарядом, ясно тебе?

— Дури кого-нибудь другого, Ксюша, — тихо, с опасной ухмылкой отозвался он.

Он медленно поднес мою пойманную руку к своим губам и обжигающе поцеловал тыльную сторону ладони, не сводя с меня глаз. Нас обоих прошила видимая дрожь.

— Потанцуем?

— Я не танцую, — снова резко отозвалась я, упрямо отворачивая лицо в сторону, чтобы не выдать своего бешеного стука сердца.

— Ты не можешь отказать в танце мужчине на таком приеме, Ваниль. Тебе ли, как светской леди, этого не знать, — он тихо усмехнулся, и эта его абсолютная, непоколебимая уверенность меня дико взбесила.

— У меня вообще-то есть жених! — процедила я, пытаясь вырвать руку.

— Да мне плевать. Будь у тебя хоть законный муж, — Кирилл резко притянул меня за талию вплотную к своему телу, заставляя мою ладонь лечь ему на плечо. — Правила, Ксюша. Светские правила. Придется подчиниться.

Мы танцевали медленно, тягуче. Я изо всех сил старалась держать хоть какую-то дистанцию между нашими телами, но Кирилл упрямо тянул меня на себя, сокращая расстояние до непозволительных сантиметров.

— Хватит топтать мне ноги, — зло бросила я, пытаясь найти хоть какой-то повод прервать это безумие.

Он лишь шире растянул губы в наглой улыбке.

— Я ни разу на тебя не наступил, Ваниль.

— Нет, наступил! Долго ещё это будет продолжаться? Мы кружимся уже третий круг подряд.

Я скользнула взглядом по залу и замерла. Максим уже вернулся. Он стоял чуть в стороне, медленно пил что-то из своего бокала и буквально просверливал нас бешеным взглядом. Кирилл моментально проследил за моим направлением. Я физически почувствовала, как его руки на моей талии до боли напряглись. Он тут же резко, по-хозяйски развернул меня в танце так, чтобы я оказалась спиной к Воронову, а он — лицом.

— Ведешь себя как последний дурак, — процедила я, утыкаясь взглядом в его черную рубашку.

— Может быть, — отозвался Кирилл, и в его голосе прорезалась вибрирующая хрипотца. — Ты, кажется, совсем забыла эти три года, Ксюша. Но я напомню. Я до сих пор теряю голову от одного твоего запаха. Потерян и сломлен без тебя. А ты упрямо продолжаешь ничего не замечать.

Его слова ударили наотмашь. Я тут же замерла посреди паркета, заставляя его остановиться. Внутри полыхнула такая яростная, жгучая обида, что сдерживаться больше не было сил.

— Это ты сломлен?! Ха! — я зло выплюнула этот смешок ему прямо в лицо, высоко задрав подбородок. — Да это только ты умеешь всё ломать и крушить, Чернов! Абсолютно всё вокруг себя! И если тебе сейчас хреново… что ж, здорово! Пусть оно так и остается, понял меня?! Мне глубоко плевать на тебя, на твои фальшивые чувства и на всё то, что ты там себе придумываешь в своей больной бошке!

Я резко рванулась назад, окончательно вырывая свои пальцы из его хватки, развернулась на высоких каблуках и быстрым, уверенным шагом направилась прямиком к Максу. Кирилл остался стоять посреди танцпола, но я не оборачивалась.

Дойдя до Воронова, я не дала ему произнести ни слова. Подлетела вплотную и на глазах у изумленной публики, у всех этих чопорных инвесторов и его отца, решительно обхватила Макса за шею и впилась в его губы глубоким, отчаянным поцелуем.

Пусть ему будет больно. Так же невыносимо больно, как было мне три года назад. Теперь моя очередь делать ходы в этой грязной игре.

Я целовала Макса, прижимаясь к нему, но мои глаза оставались открытыми. Сквозь пелену слез я упрямо смотрела через его плечо прямо на Кирилла. Я ждала, что он, как я когда-то, покажет брезгливость или тошноту. Вот только Чернов не двинулся с места. Он не изобразил тошноту, не закричал. Он просто стоял в полумраке зала и молча смотрел на меня своими потемневшими, почти черными глазами, в которых заживо сгорала его вселенная.

Я отстранилась от Макса, чувствуя, как губы мелко дрожат, а к горлу подступает тошнота от собственной выходки.

— Я хочу домой, — тихо, на грани истерики проговорила я Максу, вцепившись в его локоть. — Пожалуйста, увези меня отсюда. Прямо сейчас.

Макс растерянно моргнул, переводя взгляд с моих мокрых глаз на застывшего вдали Кирилла, но спорить не стал. Он лишь понимающе, серьезно кивнул:

— Поехали, Ксюнь.

Водитель Максима быстро и молча довёз нас до моего дома. Как только машина замерла у ворот, мы вышли с ним на прохладный ночной воздух, и в эту секунду мне хотелось просто закричать в темное небо от той раздирающей боли, что полыхала внутри.

— Иди ко мне, — негромко проговорил Максим, делая шаг навстречу и крепко, бережно прижимая меня к себе за плечи. — Я не знал, Ксюнь, что он тоже будет на этом банкете, честное слово. Обычно на такие приемы всегда является его отец и твоя мать. Видимо, Игорь действительно отдал бразды правления ему окончательно.

— Извини за тот поцелуй, — проговорила я, утыкаясь носом в его плечо, и по моей щеке всё-таки скатилась одна горячая, упрямая слеза.

— Всё нормально, ты же моя невеста по нашему уговору, — Макс мягко погладил меня по спине, пытаясь успокоить. — Было бы странно, если бы мы перед инвесторами и моим отцом вообще никак не показались вместе. Так что ты всё сделала правильно.

— Он заметил, что у меня нет кольца, — тихо, со сдавленным вздохом проговорила я, вспоминая ледяную ухмылку Чернова на танцполе.

— Да плевать на него и на то, что он там заметил, — резко отозвался Воронов, и в его голосе прорезались жесткие нотки.

Он аккуратно отстранил меня, быстро чмокнул в щеку и бережно стёр большим пальцем мокрую дорожку от слезы.

— Беги домой, Ксюнь, на улице уже совсем прохладно стало. Завтра созвонимся.

Я лишь молча кивнула и медленно пошла к дверям своего дома, на прощание помахав ему рукой. Но стоило мне зайти в пустой, тихий холл, как я до боли прикусила губу. Это было бесполезно. На моих губах всё ещё горел мятный вкус его поцелуя, но всё мое тело, каждая клеточка кожи до сих пор отчетливо ощущали совершенно другое — тяжелые, собственнические и такие родные руки Кирилла на моей талии.

Глава 7

Кирилл

Свалить с банкета вслед за ней? Конечно, нет. Я что, блять, похож на конченого дебила?

Конечно, похож. Ведь прямо сейчас я сидел в своей машине, припаркованной в тени деревьев у её дома, заглушив мотор и выключив фары. Я лично выследил, куда именно уехал автомобиль Воронова, и следовал за ними по проспектам тенью, держась на приличном расстоянии.

Я видел, как они вышли на улицу. Видел, как Макс прижал её к себе. Но вот попрощались они… ни хера не как настоящие невеста и жених. Я и без этого пафосного статуса пожирал её взглядом, ловя каждое движение, каждую чертову интонацию. А они? Между ними не было сумасшедшей, искрящейся химии, которая просто обязана быть у людей, собравшихся под венец. Здесь явно было что-то не так. Весь этот их союз — сплошное, фальшивое дерьмо.

И она плакала. Черт возьми, у ворот она плакала, утирая слезы.

Я со всей дури треснул кулаком по кожаному рулю внедорожника так, что пластик приборной панели чуть не треснул. Внутри всё клокотало от ревности. Все те слова, которые она в ярости выплюнула мне в лицо посреди зала… я не верил из них ни единому слову. Точнее, разумом я прекрасно знал, что заслужил её ненависть. Но в то же время — не заслужил тоже! Ведь я ни в чем не был виноват перед ней, меня подставили, разыграли как по нотам. Всё это было слишком паршиво и запутанно.

Я уже собирался завести мотор, чтобы уехать обратно в свой коттедж и наконец-то сорваться в запой, как вдруг краем глаза заметил, что входная дверь её дома снова тихонько приоткрылась.

Я прищурился в темноту двора и невольно усмехнулся.

Моя Ваниль даже не подумала переодеться. Она так и вышла на улицу в своем роскошном черном вечернем платье, только сбросила туфли и шла абсолютно босиком прямо по прохладной траве. В одной руке она упрямо сжимала початую бутылку вина, направляясь в сторону какой-то кирпичной пристройки в глубине двора. Вид у неё был потерянный, хрупкий и до безумия одинокий.

Но дойти до этой постройки я ей этой ночью уже не дал.

Я бесшумно толкнул дверь машины, выскочил на асфальт и быстрой, хищной походкой нагнал её со спины прямо посреди безлюдного, залитого лунным светом двора.

Одним резким движением перехватил её сзади, прижал к своей груди и закрыл ей рот рукой, чтобы она не успела крикнуть. Ксюша испуганно дернулась, бутылка вина едва не выскочила из её пальцев, а всё её хрупкое тело в ту же секунду напряглось как натянутая струна.

— У тебя совсем нет охраны, — негромко, с опасной хрипотцой отозвался я, наклоняясь к её уху. — Тебя может украсть из этого особняка кто угодно. Ни ворот нормальных, ни людей. Как плохо, Ваниль. Очень плохо.

Она тут же забрыкалась в моих руках, пытаясь со всей силы ударить меня локтем под дых и упрямо мотая головой, чтобы сбросить мою ладонь со своего лица. Как только я слегка ослабил хватку, Ксюша резко развернулась и яростно шикнула мне в лицо:

— Какого черта ты здесь забыл, Чернов?! Как ты вообще сюда попал?!

— Тебя забыл, — отрезал я, не собираясь тратить время на пустые препирательства.

Прежде чем она успела издать хотя бы еще один звук, я рванулся вперед, перехватил её поперек талии и закинул её на плечо, словно какую-то добычу. Подол её платья мгновенно взметнулся вверх.

— Пусти, слышишь?! — бешено зашипела она, колотя меня кулаками по спине и отчаянно дрыгая своими голыми ногами в воздухе. — Ты, гавнюк, немедленно отпусти меня!

Я на это её буйство лишь цинично усмехнулся. Не раздумывая шлёпнул по заднице, прерывая её крики, а после медленно погладил по бедру, отчего Ксюша моментально задохнулась в своем возмущении и испуганно замерла, шумно хватая ртом воздух.

— Хочу поговорить с тобой, — коротко отозвался я, делая несколько размашистых шагов в сторону дороги.

Я дотащил её до своего внедорожника, одной рукой рванул пассажирскую дверь, бесцеремонно запихал её в тачку на кожаное сиденье.

Всю дорогу до моего коттеджа она упорно молчала, демонстративно отвернувшись к окну, и прямо из горла пила это чертово белое вино. И я позволил ей это. Знал, что алкоголь убьет её лишний страх и сотрет дурацкие барьеры, которые она выстраивала между нами целых три года.

Но стоило мне припарковаться у крыльца и переступить порог своего дома с девушкой на плече, как игра в поддавки закончилась. Я решительным движением вырвал бутылку из её пальцев, сам жадно отпил добрую половину, чувствуя, как кислый алкоголь обжигает горло, и со стуком отставил стекло на комод в холле.

Донес её до своей спальни и аккуратно усадил на край просторной кровати. Но Ксюша даже усидеть на месте не могла, видимо хмель окончательно ударил ей в голову, и она просто плюхнулась спиной на прохладные простыни, раскинув руки в стороны. Подол платья смялся, обнажая её бедра.

Я мгновенно навис сверху, упираясь руками по обе стороны от её головы, и стал жадно разглядывать её раскрасневшееся, невероятно красивое лицо.

— Привет… — негромко проговорила она, улыбаясь мне прямо в лицо и небрежно поправляя локон. — Как дела, Чернов?

Я лишь коротко, хрипло усмехнулся, чувствуя, как внутри сносит последние предохранители.

— Ты меня любишь? — в упор спросил я, буравя её взглядом.

Ксюша на секунду замерла, внимательно разглядывая меня, а затем медленно протянула свои тонкие руки к моему лицу, ласково очерчивая пальцами скулы.

— Очень… — сорвался с её губ тихий выдох, и она со всей силы потянула меня на себя, заставляя наклониться.

Должен ли я был сопротивляться? Должен был. Мозг орал, что она пьяна, что завтра утром Ваниль снова включит свою ледяную гордость и будет сожалеть о проявленной слабости. Но я не хотел сопротивляться. Больше не мог.

Я жадно забрал этот поцелуй с кисловатым привкусом вина, сминая её губы с самой голодной страстью, которая копилась во мне. Ксюша отчаянно ответила на напор, выгибаясь мне навстречу, а когда я на секунду оторвался от неё, чтобы перевести дыхание, она лихорадочно зашептала, запуская ладони под мою рубашку:

— Я очень… очень тебя люблю.

Она стала нетерпеливо стягивать ткань с моих плеч, но я внезапно перехватил её запястья и заставил остановиться. В голове щелкнул последний барьер. Мне нужно было знать наверняка.

— Назови имя, — строго проговорил я, удерживая её руки над подушкой.

— Что?.. — Ксюша недоуменно моргнула, тщетно пытаясь сфокусировать свой затуманенный взгляд на моем лице.

— Скажи имя. Кого именно ты любишь, Ваниль?

— Кирилл, ты сейчас издеваешься надо мной, да? — тут же возмутилась она.

Пользуясь моей заминкой, она ловко вывернула руки, резко забралась на меня сверху, оседлав мои бедра, и безжалостно задрала свое черное платье ещё выше, полностью оголяя кружевное белье.

— Ты что, напрочь забыл, как тебя зовут? — играючи, с обжигающей дерзостью отозвалась она, наклоняясь к моим губам.

— А как же твой жених, Ксюша? — хрипло выдохнул я, едва сдерживая рык, когда её бедра плотно прижались к моим.

— У меня его нет! — тут же, без единой секунды сомнения отозвалась она.

Я от её слов буквально опешил. Сердце пропустило удар, а затем бешено заколотилось в груди. В один мощный рывок я перевернул её под себя, снова вжимая хрупкое тело в матрас и фиксируя её бедра своими коленями.

— Что насчет Макса? — надавил я, тяжело дыша ей в губы.

«Давай, любимая, говори, — бешеной лавиной пронеслось в моих мыслях. — Просто скажи, что он никто для тебя, и я сорву абсолютно все свои гребаные тормоза. Плевать, что мы оба будем безумно жалеть об этом завтра утром. Я больше не намерен терпеть ни секунды».

— Ну-у… — Ксюша замялась, её длинные ресницы дрогнули, и она пугливо прикрыла глаза от моего давящего напора. — Я просто… я просто ему помогла. Подыграла перед отцом.

Она медленно подняла свою ладонь и шумно замотала пальцами прямо перед моим лицом:

— Нет у меня никакого кольца, видишь? Нет. Нет у меня никого, Кирилл… И тебя у меня тоже нет. Ненавижу тебя, — горько прошептала она, и её руки бессильно откинулись на простыни по обе стороны от головы.

— А я тебя люблю, — выстраданным шепотом проговорил я.

И окончательно накрыл её губы своим поцелуем, забирая её всю, без остатка, в эту сумасшедшую, грешную и такую долгожданную ночь.

Глава 8

Ксюша

Голова гудела так, словно вчера я на полной скорости скатилась с крутой горы, пересчитала спиной все камни, трижды сломала шею, но по какому-то нелепому недоразумению осталась жива. Во рту пересохло до такой степени, что язык буквально прилип к нёбу. Я попыталась сделать глубокий вдох, но не смогла даже пошевелиться. Меня прижимал к себе огромный, горячий мужчина. И этот кто-то, судя по обжигающему текстурному теплу, был абсолютно без одежды.

Я замерла в ступоре, когда до меня наконец дошло: я сама лежу под этим одеялом ровно в том же виде, в каком мама родила.

В голове со свистом закрутились панические мысли. О господи, неужели Максим?! Чёрт, чёрт, чёрт, нет, только не это! Я не могла так поступить. Это было бы паршиво вдвойне. Уж лучше пусть на моем матрасе сейчас лежит вообще абсолютный, первый встречный незнакомец из клуба, чем Макс! Я панически не хотела давать ему ложных надежд на то, чего никогда не случится. Поцелуя и так было с лихвой для нашей хрупкой дружбы.

Стараясь не дышать и действовать как можно аккуратнее, я медленно, сантиметр за сантиметром повернула голову, пытаясь осторожно скинуть со своей талии мужскую руку.

Повернула. Проморгалась. Закрыла глаза, мысленно досчитала до трёх и снова их распахнула.

Кирилл?!

«Как?! Как я вообще здесь оказалась?!» — пронеслось в моей взбесившейся голове.

Я судорожно осмотрелась по сторонам. Спальня была просторной, незнакомой, залитой мягким утренним светом. Это что, его дом? Или он снял его на время командировки? Боже мой, да это же в сто раз хуже, чем если бы тут лежал Максим!

Я перевела взгляд на его спящее лицо. Смотрела на него так трепетно, с такой затаенной нежностью, что в груди всё моментально встало огромным, запутанным и едким комом. С одной стороны, глупое девичье сердце внутри прямо сейчас готово было петь от сумасшедшего счастья просто потому, что я снова с ним. Что он так крепко обнимает меня, утыкаясь носом в подушку. Я даже не знала, какими словами описать это странное, будоражащее чувство защищенности.

Но в тот же самый момент разум орал, что всё очень, очень плохо. Я искренне ненавидела его за всё то, что до сих пор к нему чувствовала, и за то, что вот так глупо, безвольно отдалась ему ночью. Хоть я и не помнила из бурного финала вообще ни чего! И от этого провала в памяти становилось ещё более плохо.

Его лицо казалось таким родным и одновременно чужим, повзрослевшим. На его скуле темнел маленький, едва заметный шрам. Я точно знала, что раньше его не было. И вот ещё один аккуратный след над бровью, и под нижней губой… Он что, в Москве без конца дрался все эти три года? Или случилось что-то серьезное, где он так сильно поранился?

Мысли путались, сменяя друг друга. До безумия хотелось протянуть руку, коснуться пальцами его щетины, провести по губам, заглянуть в его закрытые зелено-янтарные глаза и поверить, что вся наша трехлетняя война была просто затянувшимся ночным кошмаром. Что нам всё это просто приснилось, а у нас всё по-прежнему хорошо.

Но нет. Иллюзии разбились о суровую реальность. Мне нужно было бежать.

Я, извиваясь ужом, с трудом выскользнула из его простыней, стараясь не потревожить спящую скалу. Спустила ноги на пол и принялась лихорадочно искать свои вещи. Чёрное вечернее платье сиротливо валялось на полу. Я быстро натянула его через голову, а вот трусики… Где это гребаное кружевное белье, про которое так громко кричала Вера?!

Я опустилась на карачки и принялась судорожно ползать вокруг кровати, заглядывая во все углы. Тщетно. Я так их и не нашла. Обувь? Господи, а где мои туфли? Я что, приехала сюда вообще без обуви?!

Пока я ползала на коленях, заглядывая под кровать, мой взгляд случайно упал на собственные ступни, и я едва не вскрикнула во весь голос, вовремя зажав рот ладонью. Мои пятки и пальцы были абсолютно грязными и серыми! Словно я полночи босиком ходила прямо по сырой земле.

Я резко вздернула голову, испуганно посмотрев на безмятежно спящего Кирилла. Мы что… в таком виде?! Прямо с грязными ногами кувыркались на этих его белоснежных простынях?! Боже, стыдоба-то какая, какой кошмар!

Я быстро вскочила с колен, судорожно поправила подол помятого платья и, не чуя ног от паники, бросилась на выход из спальни. Сумочки нет, обуви нет, документов нет, и трусы тоже черти где остались.

«Прекрасно, Ксюша, очень здорово! Настоящая бизнес-леди, просто эталон элегантности!»— язвительно отчитала я сама себя, выбегая в холл.

Где я вообще нахожусь? Куда мне идти босиком по трассе и как, чёрт возьми, без телефона вызвать себе такси?!

Но стоило мне в панике распахнуть входную дверь и выскочить на крыльцо коттеджа, как ко мне тут же уверенной походкой подошел рослый мужчина в строгом костюме. Из его уха тянулся знакомый витой проводок наушника.

— Роман? — удивленно вздернула я брови, мгновенно узнав старшего охранника Игоря Чернова.

— Доброе утро, Ксения Валерьевна, — вежливо, без единой лишней эмоции на лице произнес он, словно встречать босую девушку в помятом вечернем платье на крыльце в девять утра для него было абсолютно привычным делом.

— Доброе… — растерянно проговорила я, поджимая пальцы ног от утренней прохлады асфальта.

— Я могу доставить вас домой прямо сейчас, если вы, конечно, желаете, — тактично предложил он, делая жест в сторону припаркованного черного автомобиля.

— Да, пожалуйста! — я едва не разрыдалась от облегчения. На секунду замялась и умоляюще добавила: — Только… Роман, пожалуйста, не сообщай своему боссу о том, что ты меня подвез, ладно? Сделай вид, что меня здесь вообще сегодня не было.

Мужчина едва заметно, понимающе улыбнулся и учтиво открыл передо мной заднюю дверцу машины.

— Конечно, Ксения Валерьевна. Мы вас сегодня вообще не видели. Прошу.

Я быстро юркнула на мягкое кожаное сиденье, пряча ноги, и лишь обреченно кивнула самой себе. Боже, что я вообще несу? Кого я пытаюсь обмануть.

Как только машина Романа скрылась за поворотом, я влетела в дом. На кухне я тут же наткнулась на Веру, которая мирно пила утренний кофе. Увидев меня, она поперхнулась и выплюнула кофе прямо на светлую столешницу, а потом согнулась пополам и загоготала на весь дом.

— Ксюха! Не говори только, что ты в таком виде ехала через весь город! У Макса что, ванной в доме нет?

— Да что не так-то?! — растерянно отозвалась я, прижимая ладони к горящим щекам.

Она молча указала пальцем на зеркало в холле. Я подошла, взглянула на свое отражение и внутри всё похолодело. Боже мой… На голове красовалось настоящее воронье гнездо из растрепанных кудрей, под глазами от размазанной туши зияли черные круги, как у панды, аподол платья был помят так, словно им мыли полы.

— Класс… — обреченно выдохнула я, зажмурившись.

— Как он вообще отпустил тебя в таком виде? — отсмеявшись, спросила Вера, вытирая стол салфеткой. — Куда смотрели его благородные манеры?

— Это не он, — тихо проговорила я и виновато опустила голову, разглядывая свои грязные ноги. — Это был не Макс. И я… я сбежала оттуда. Как какая-то паршивая Золушка.

Я растерянно покачала головой и вдруг заметила у самого входа свои туфли.

— Вот только сказочная Золушка туфельку на лестнице потеряла… а я свои трусы где-то оставила.

Я устало опустилась на стул напротив подруги, без спроса забрала её чашку с кофе и в один глоток выпила сразу половину, надеясь реанимировать засохшее горло. Вера всё ещё покатывалась со смеху, поднимаясь со стула, и принялась заваривать нам новую порцию кофе.

— То есть нам теперь ждать прекрасного принца, который заявится к нашим дверям с твоими кружевным бельём? — с наглым смешком уточнила она, насыпая сахар. — Думаешь, он будет примерять их на всех девчонок в округе, чтобы найти свою единственную?

— Замолчи, пожалуйста, — мученически простонала я, утыкаясь лицом в ладони.

В этот самый момент из спальни ленивой походкой вышел Паша. Выглядел он, честно говоря, не сильно лучше меня — такой же помятый и заспанный, только без следов размазанной туши на лице.

— Привет, мелкая, — он по-свойски потормошил меня по растрепанной голове, проходя к холодильнику. — Ну как банкет? Как вечер? — Пашка обернулся, внимательно присмотрелся к моему платью, грязным ногам и лицу, после чего заржал на всю кухню: — Вижу, вечер прошел просто отлично! Зажгла так зажгла!

Вера тут же с заговорщицким видом села напротив него за стол.

— Паш, ты не поверишь. Наша Золушка ночью потеряла свои трусы, — со смешком сдала она меня с потрохами.

Я лишь громко застонала от стыда, готовая провалиться сквозь землю. Ну зачем, ей-богу, нужно было говорить об этом Пашке?!

Он снова громко заржал, усаживаясь на соседний стул и подпирая подбородок кулаком.

— А чё ты тогда не счастливая-то такая вернулась, Ксюх? Тебе что, плохо мяли сиськи этой ночью?

— Замолчи, понял?! Просто замолчи! — яростно прошипела я ему, резко поднимаясь со стула от нахлынувшего возмущения. — Всё это вообще ни разу не круто и не весело, ясно вам?! Я сама не знаю, как всё это получилось… И тот, от кого я сегодня в панике сбежала, вообще не должен был находиться со мной рядом!

— И кто же этот таинственный счастливчик? — Вера хитро прищурилась, выжидающе глядя на меня.

Я сделала глубокий вдох, заглянула им обоим прямо в глаза и тихим голосом произнесла:

— Кирилл.

В ту же секунду они замолчали. Теперь уже горячий кофе вылетел изо рта Паши прямой наводкой прямо на чистую футболку Веры. Из её рук от неожиданности выпала фарфоровая сахарница, с грохотом разбиваясь об пол и рассыпая сахар по плитке. Но ребятам прямо сейчас было абсолютно плевать и на грязную одежду, и на разбитую посуду. Они замерли с круглыми от шока глазами и уставились на меня.

— Пиздец… — только и смог выдавить из себя Паша после затянувшейся тишины, переводя ошалелый взгляд на жену.

— Ну-у-у… — протянула Вера, аккуратно обойдя острые осколки и направляясь в угол за шваброй. Она попыталась включить свой фирменный режим оптимизма, хотя её голос всё ещё ощутимо подрагивал от шока. — На самом деле, если подумать, не всё так плохо, да? Ты технично сбежала, объяснять ему ничего не нужно. Глядеть в глаза с утра пораньше и выслушивать его ухмылочки — тоже. Трусики? Ну да бог с ними, мало ли кто их там оставил,

верно? Считай, что это была просто минутная слабость, и всё. Ты ему ничего не должна, и, скорее всего, вы больше вообще никогда не увидитесь.

— Да я даже не помню ничего, ясно?! — в отчаянии воскликнула я, хватаясь за раскалывающуюся голову. — Вообще не помню, как я с ним встретилась и где это произошло! Почему мои туфли и сумка остались здесь, дома, а я сама оказалась у него в постели через полгорода?! Мне просто нужно нормально принять душ, лечь, закрыть глаза и попытаться хоть что-то вспомнить. Если я ему вдобавок к этому ещё чего-нибудь лишнего наговорила — это вообще катастрофа. А раз мы спали абсолютно голые, то наговорила я ему ночью явно не то, что требуется для защиты моего протокола безопасности! Боже…

Я мученически простонала, уже медленно пятясь к выходу с кухни.

— Просто привяжите меня к какому-нибудь дереву в лесу и никогда, слышите, никогда больше не давайте мне пить! А лучше прямо сейчас закажите билеты, и полетели все вместе в отпуск, подальше от этой страны.

— Всё верно, Ксюх, — согласно закивал Пашка, вытирая мокрую от кофе футболку бумажным полотенцем. — Найдёшь там себе за границей другого какого-нибудь красавчика, покувыркаетесь разок-другой, и всё сразу будет гладенько… как киска моей жены.

— Да замолчи ты уже, ради всего святого! — Верка со смехом крикнула на него, с размаху запустив в мужа кухонной прихваткой. Павлик лишь увернулся и снова загоготал.

— Идиоты… — в сердцах простонала я.

Развернувшись на месте, я выскочила в коридор, взлетела по лестнице и с грохотом захлопнула за собой дверь своей комнаты, поворачивая замок на два оборота.

Глава 9

Кирилл

Меня разбудил настойчивый, негромкий стук в дверь. Я лишь глубже зарылся лицом в подушку и утробно рыкнув. Мне не нужно было открывать глаза, чтобы понять: я в этой огромной постели совершенно один. Ещё вчера ночью, затаскивая её в машину, я прекрасно знал, что под утро она сбежит. И я сознательно снова дал ей эту возможность. Я сквозь сон отчетливо слышал, как она осторожно выскальзывает из-под одеяла, как судорожно, в панике мечется по комнате и ползает на коленях вокруг кровати, но упрямо делал вид, что сплю как убитый. Не хотел видеть в её глазах этот пугливый страх и разочарование. Я знал, что трезвый разговор для нас обоих сейчас будет слишком тяжёлым. А мне будет ещё больнее. Я снова её потерял. На сколько дней или недель — хрен знает. Но я больше не собирался давать ей уходить слишком далеко.

— Войдите, — хрипло проговорил я, переворачиваясь на живот и тупо глядя в панорамное окно на пасмурное небо.

— Кирилл Игоревич, всё выполнено в точности так, как вы и просили, — ровно проговорил Роман, останавливаясь на пороге. — Ксения Валерьевна доставлена прямо к дому. Она в безопасности.

— Хорошо, спасибо, — отозвался я, даже не удосужившись повернуться к нему лицом.

Роман молча прошел вглубь комнаты, подошел к прикроватной тумбочке и положил на её деревянную поверхность какой-то небольшой темный предмет.

— Я всё нашёл, как вы велели, — негромко добавил он и бесшумной тенью ушел, прикрыв за собой дверь.

Я тут же завозился на кровати, сбросил с себя одеяло, повернул голову к тумбочке и внезапно просто в голос рассмеялся на всю пустую спальню. На простыне лежало её черное кружевное белье. Я перевел взгляд на собственный пресс и заметил, что мелкие железные колечки от её трусиков за ночь даже слегка отпечатались у меня на коже пониже живота.

— Значит, точно вернется, — с хищной улыбкой проговорил я в пустоту.

Кто-то, чтобы вернуться в понравившееся место, по старой дурацкой привычке кидает монетку в фонтан. А моя сумасшедшая Ваниль оставляет в моей постели свое белье. Я поднялся, перехватил кружевную ткань и тут же закинул белье в свою дорожную сумку, которую даже не разбирал с момента прилета.

Следом я схватил со стола кожаную папку с отчетами моих безопасников, даже не удосужившись натянуть одежду, уселся на край матраса и стал жадно листать свежие листы досье. За три года разлуки серьезных отношений у Ксюши не было — это факт. Пару раз сходила на ни к чему не обзывающие свидания, которые заканчивались ничем. Три успешные художественные галереи, об открытии которых я и так прекрасно знал. И полный, абсолютный ноль информации о Максе Воронове в её личной жизни. Словно этот кудрявый ублюдок со своим строительным бизнесом нарисовался рядом с ней только сейчас, пару дней назад. Макс всегда до безумия любил публику, пафос и красивые жесты. Уж я-то его знал. Уверен, он бы такую шикарную возможность точно не упустил и раструбил бы на всю столицу, если бы они реально встречались. То, что пьяная Ксюша наговорила мне ночью в бреду, полностью это подтверждало. Между ними ничего нет. И самое главное — я теперь точно знал, что она меня всё ещё любит. Любит, хоть и пытается ненавидеть.

Я тут же схватил мобильник и набрал номер нужного человека из аналитического отдела.

— Проверьте мне её счета и перемещения. Прямо сейчас.

Ожидание не заняло много времени. Уже через тридцать минут мне на экран пришло короткое уведомление: Ксения Светлова куда-то собралась. Буквально десять минут назад по её карте были куплены авиабилеты на три человека. Направление — за границу.

Верку и Пашу я знал ещё по академии. И когда я открыл данные пассажиров и увидел, что у них теперь стоит одна общая фамилия — Игнатьевы, я удовлетворенно, глубоко выдохнул. Пацан всё-таки дожал Платонову.

Я снова нажал на кнопку вызова, и в динамике раздались короткие гудки.

— Забронируй мне билеты на тот же самый рейс, — ледяным, не терпящим возражений тоном приказал я своему секретарю на том конце провода. — И сделай так, чтобы в отеле по прибытии у нас с ней оказался один общий номер. На две комнаты, без вариантов.

— Будет сделано, Кирилл Игоревич, — отозвался исполнительный голос.

Я заблокировал телефон, швырнул его на простыни и нагло ухмыльнулся. Ну уж нет, Ваниль. Бегать от меня три года у тебя получилось отлично. Но теперь этой сладкой свободе пришел конец. Ей придется потерпеть моё присутствие рядом ещё какое-то время.

Глава 10

Я приехал в аэропорт заранее, быстро прошёл все положенные контроли через VIP-терминал и внезапно выхватил глазами в толпе Макса Воронова. Этот ублюдок стоял чуть в отдалении у стоек регистрации бизнес-класса и меня даже не замечал.

«Откуда эта гниль тут вообще взялась?»— невольно подумал я, и внутри всё снова яростно заклокотало. Какого хера он преследует мою Ваниль? Желваки на челюсти заходили ходуном, но я заставил себя пройти на посадку.

Уже в самолете я первым делом занял своё законное место у прохода, расслабленно откинулся на кожаную спинку кресла и прикрыл глаза, слушая мерный гул заполняющегося салона.

— Простите, могу я пройти? — раздался прямо надо мной тихий, знакомый голос.

Я медленно открыл глаза и плавно повернул голову. Ксюша застыла в проходе, и её глаза моментально округлились от шока. Она тут же судорожно стала смотреть то в свой бумажный билет, то на номер кресла у окна, где должна была сидеть по системе бронирования. Я лишь вальяжно привстал со своего места, чтобы учтиво пропустить её к иллюминатору.

— Какая неожиданная встреча, — откровенно соврал я, слегка улыбнувшись одними уголками губ и буравя взглядом её растерянное лицо.

— Прошу простить! — она проигнорировала мою реплику и тут же панически подозвала проходящую мимо стюардессу. — Девушка, могу я занять любое другое свободное место? — Ксюша выразительно указала пальцем назад, в сторону своих друзей, которые тоже уже в полном шоке смотрели на нас через несколько рядов.

Я мельком глянул на эту парочку и шутливо махнул им рукой. Пашка, сообразив, что к чему, тут же растянул довольный оскал, за что Верка мгновенно ткнула мужа локтем в бок и исподтишка показала мне фак.

— Прошу простить, но все места в бизнес-классе сегодня полностью заняты, — вежливо улыбнулась бортпроводница. — К тому же, при взлете вы обязаны занять именно то кресло, которое указано в вашем посадочном талоне. Техника безопасности, сами понимаете.

Ксюша лишь обреченно поджала губы, шумно выдохнула и послушно села у окна, стараясь вжаться в обшивку самолета. Я спокойно опустился в соседнее кресло, чувствуя, как её аромат мгновенно заполнил всё пространство между нами.

Но главный сюрприз ждал меня впереди. Я повернул голову в сторону и обнаружил, что прямо через проход от нас, на соседнем ряду, вальяжно устраивался Макс.

«Вот так встреча… Ну надо же», — усмехнулся я в мыслях, чувствуя, как восторг охотника разгорается в груди с новой силой. Воронов сидел бледный, явно не ожидавший такого поворота на борту.

Ксюша, желая полностью отгородиться от моего присутствия, тут же судорожно достала наушники и заткнула ими уши. Но стоило ей включить музыку, как над нами снова выросла стюардесса и мягко попросила её пока что полностью выключить телефон и убрать технику на время взлета.

Я даже не сдержался и победно усмехнулся, глядя строго перед собой. Ваниль лишь раздраженно фыркнула на эту просьбу, со стуком убрала мобильник в сумочку и демонстративно, с обидой отвернулась к круглому окну иллюминатора. Лететь нам предстояло долго, и бежать ей с этого корабля было абсолютно некуда.

На протяжении нескольких часов полета она изо всех сил старалась меня игнорировать, уставившись в иллюминатор или в пустой экран перед собой, а я намеренно не лез. Давал ей время успокоиться и переварить ситуацию. Зато я отчетливо замечал, как Макс то и дело дергается на своём сиденье и бросает в нашу сторону злые, косые взгляды.

— Странно, что у твоего жениха забронировано совсем другое место, — негромко проговорил я, нарушая затянувшееся молчание. — Что, уже успели поругаться?

— Я вообще не понимаю, о чём ты сейчас говоришь, Чернов, — холодно отозвалась она, упрямо не поворачивая головы.

Я наклонился к ней поближе, обжигая дыханием её ухо.

— А вот он, кажется, очень сильно недоволен тем, где ты сидишь.

Ксюша от такой наглости резко обернулась ко мне, едва не ткнувшись своим кончиком носа в мой. Наши лица оказались так близко, что я заметил, как расширились её зрачки. Вместо ответа я просто выразительно указал глазами на соседнее кресло через проход от нас.

Она слегка наклонилась вперёд, проследила за моим взглядом и, увидев сидящего там Макса, снова шокированно выпучила глаза. Воронов, застигнутый врасплох, лишь натянуто, крайне неуверенно улыбнулся своей «невесте» и вяло махнул ей рукой.

— Какого чёрта?! — тут же панически прошипела Ксюша.

В порыве шока она со всей силы толкнула меня ладонями в грудь, пытаясь отодвинуть, и сама не заметила, как буквально нависла всем телом над моими коленями, чтобы лучше видеть соседа.

— Тот же самый хера вопрос, — спокойно проговорил Макс, заметив её маневр и со своей стороны наклоняясь через проход, упираясь локтями в подлокотник.

— У меня вообще-то отпуск! — возмутилась Ксюша, переводя ошарашенный взгляд с Макса на меня.

— А у меня здесь важный бизнес, — так же ровно и независимо проговорил Воронов.

— Ты должен был мне сказать, что летишь этим рейсом! — вспыхнула она, окончательно теряя контроль и уже вовсю упираясь своими тонкими локтями мне прямо в бедра, чтобы удержать равновесие.

— Ты тоже должна была сказать, куда именно ты собралась, — парировал Макс, хмуря брови.

— Да я не обязана вообще-то перед тобой отчитываться... — Ксюша запальчиво начала фразу, но внезапно осеклась на полуслове.

До неё наконец дошло, в какой позе она сейчас находится. Она резко вздрогнула, осознав, что упирается локтями мне в ноги и практически лежит на моих коленях, пока она с Вороновым ведёт свои разборки. Щеки Ванили мгновенно вспыхнули пунцовым цветом. Она испуганно отстранилась обратно в свое кресло, демонстративно прокашлялась, поправила одежду и упрямо отвернулась к окну, закрываясь руками.

Макс всё ещё продолжал сидеть, наклонившись в нашу сторону и пытаясь поймать её взгляд через меня. Это присутствие в моем личном пространстве мне окончательно надоело. Я медленно протянул свою ладонь вперёд, грубо уперся пальцами прямо в лоб Макса и одним уверенным, сильным движением оттолкнул его голову обратно вглубь его собственного кресла.

— Сядь на место Воронов, — ледяным тоном процедил я, стряхивая невидимую пыль с брюк.

Ублюдок лишь злобно зыркнул на меня, сжимая кулаки, но испытывать моё терпение на высоте десяти тысяч метров больше не решился и послушно откинулся на спинку.

На протяжении всего полета мы вели себя как малолетние придурки, то и дело толкая друг друга плечами в борьбе за общий подлокотник. Пару раз Ксюша снова настойчиво наклонялась через меня, чтобы что-то сердито сказать Максу, но тот лишь отвечал какими-то тупыми загадками, которые, судя по её взбешенному лицу, ей и так были прекрасно понятны.

— Дома поговорим! — наконец буркнула она ему, и я от этой её семейной фразочки даже не выдержал и громко заржал на весь салон.

Она, не думая, резко накрыла мой рот своей ладонью, заставляя меня удивленно вытаращить глаза.

— Если ты будешь маячить перед моим отцом… — строго проговорила она Максу, а потом снова запнулась на полуслове.

Она слегка приподнялась на кресле, всё ещё упрямо удерживая ладонь на моих губах, видимо, чтобы посмотреть назад, на своих притихших друзей.

— Какой у тебя отель? — требовательно проговорила она Воронову.

Макс нехотя назвал элитный гостиничный комплекс на побережье, и Ксюша обреченно выдохнула, расслабляя плечи.

— Ну что за идиот… — едва слышно прошептала она сама себе под нос.

Я услышал её слова и снова нагло ухмыльнулся прямо ей в теплую ладонь. А чтобы жизнь ей медом не казалась, медленно провел кончиком языка по центру её ладошки.

Ксюша от такой неожиданной интимности тут же судорожно вздрогнула, резко отстранила руку и с брезгливым видом принялась ожесточенно вытирать её о свою короткую юбку. Признаться честно самому себе, она сегодня выглядела просто невероятно сексуально. Её этот легкий топ на бретельках с розовыми бантиками, короткая пышная юбка в цветочек, открывающая бесконечные стройные ноги, — весь этот девчоночий, воздушный образ меня одновременно злил и безумно нравился. Злило то, что на неё прямо сейчас пускали слюни половина мужиков в бизнес-классе. А нравилось то, что она сидит так близко, совершенно не зажимается около меня и даже позволяет себе вот так свободно трогать меня. Хоть все эти её тычки и не выражали нежных чувств, а лишь показывали, что я её безумно раздражаю, это всё равно доказывало главное: мы друг другу не чужие. Наше прошлое никуда не делось.

Спустя час Ксюша решительно встала со своего места, чтобы выйти в туалет. И пока она, сердито сопя, протискивалась через мои колени проходе, я во всех анатомических подробностях увидел её задницу, которую едва-едва прикрывала эта чертова юбка. В моих штанах всё мгновенно налилось и напряглось до предела.

Она быстрой походкой прошла в сторону уборной в начале салона. Я переждал пару секунд, поджал губы, поднялся со своего кресла и бесшумной тенью двинулся следом за ней. Бортпроводница у шторки лишь профессионально и понимающе улыбнулась, заметив мой целенаправленный маневр, но я полностью проигнорировал её улыбочку.

Ксюша даже не успела задвинуть замок на двери кабинки, как я быстрым движением плеча вторгся к ней внутрь, с щелчком запирая нас в тесном пространстве.

— Эй! — тут же оторопев, возмутилась она, испуганно вжимаясь лопатками в стену кабинки. — А ну проваливай отсюда!

Я лишь молча смотрел на неё сверху вниз, полностью блокируя своим телом узкий выход.

— Чего тебе вообще надо, Чернов? — уже тише проговорила она, демонстративно отворачиваясь к раковине, и с шумом включила воду. Ксюша долго, маниакально полоскала руки, словно пыталась смыть с кожи саму память о моем присутствии, а потом резко вздернула голову, сверля меня яростным взглядом через зеркало во всю стену.

— Представляю, как красиво будет смотреться твоя голая задница в этом зеркале, — выдал я, откровенно издеваясь и рассматривая её отражение.

— Катись нахрен! — яростно прошипела она, резко разворачиваясь ко мне лицом. — Выйди немедленно!

— Выйду. Как только скажешь мне прямо в глаза, что искренне жалеешь о прошлой ночи.

Она тут же замерла, шумно переведя дыхание. Я, не теряя времени, медленно запустил руку в карман пиджака, достал оттуда её черное кружевное белье и победно, с наглой ухмылкой помотал им перед её носом.

— А ну отдай! — тут же дернулась она вперёд, вспыхнув пунцовым румянцем.

Но я молниеносно отстранил руку назад, не давая ей перехватить ткань, и спокойно запихал белье обратно в карман.

— Нет, Ваниль. Это теперь моё. На удачу, — отозвался я, подмигнув.

— Дурак… Забудь всё, что там было, понял?! — зашептала она, панически оглядываясь на хлипкую дверь. — Я была абсолютно не в себе! Алкоголь в голову ударил. А ты просто грязно этим воспользовался. Как последний гад!

— Вообще-то, это ты меня силой принудила, — нагло соврал я, даже бровью не поведя. — Я отчаянно сопротивлялся до последнего, Ксюш.

Я прекрасно знал, что поступил подло, прижав её сейчас в этом чертовом туалете, но я физически не мог отказать себе в том, чего бешено желал целых три года. Смотреть на её злое, раскрасневшееся лицо и этот воздушный, девчоночий образ с розовыми бантиками, который сейчас делал из неё соблазнительную, нежную ведьму, сводило меня с ума.

Я в один шаг сократил расстояние между нами, жестко обхватил её за затылок, запуская пальцы в кудри, и впился в её губы. Ксюша тут же отчаянно застучала каблуками босоножек по полу, пытаясь отстраниться, и изо всей силы заколотила маленькими кулаками по моим плечам. А через секунду — резко укусила меня за нижнюю губу. Ровно так же, как в наш самый первый поцелуй.

Но вот ударить себя по лицу я ей уже не дал — вовремя перехватил её замах. Я медленно смерил её потемневшим взглядом, слизал выступившую каплю крови со своей губе и хрипло выдохнул ей прямо в рот:

— Так даже лучше…

Пока она тяжело, рвано дышала, испуганно глядя на меня, я снова поцеловал её. На этот раз настойчиво, упрямо, сминая её сопротивление удерживая обе её руки за её же спиной. А затем я просто подхватил её под бедра и с легкостью усадил на узкую пластиковую столешницу у раковины, размещаясь всем своим корпусом прямо между её разведенных ног. Мои ладони медленно провели по её гладким бедрам, запуская пальцы под пышную юбку и сжимая округлые ягодицы.

— Прекрати… — панически прошипела она, замирая в моих руках и держась пальцами за края столешницы. — Кирилл, остановись. Это была огромная ошибка, которая больше никогда не повторится, ясно тебе? Ничего не придумывай в своей голове!

Мы находились вплотную, тяжело дыша и буквально сверля друг друга бешеными взглядами.

— Хорошо, не буду, — тихо отозвался я. — И ты тоже… ничего лишнего себе не придумывай, Ваниль.

И с этими словами я резко придвинул её тело ещё ближе к себе, нагло притягивая за бедра так, чтобы она до упора вжалась в меня и физически поняла, что я сейчас вообще ни разу не намерен шутить. Окаменевший пах уперся прямо в её лоно.

— Прекрати… — прошептала она, и в её голосе наконец-то бесследно исчезла вся прежняя показная уверенность. Ксюша испуганно уперлась ладонью мне в грудь.

— Скажи мне ещё раз, чтобы я ушёл, — потребовал я, говоря ей прямо в самые губы, продолжая крепко сжимать её ягодицы под юбкой и ещё сильнее вдавливая её в себя. — Скажи это, мать его, Ваниль. Прогони меня...

— Кирилл… — прерывисто прошептала она, всё ещё глядя мне в самые зрачки.

— Скажи, — прорычал я.

— Уходи… — едва слышно выдохнула она, сдаваясь.

— Спасибо, — тихо отозвался я.

Я оставил один короткий, мимолетный поцелуй на её губах и плавно отстранился. Бережно спустил её со столешницы обратно на пол, аккуратно поправил руками задравшуюся юбку и, больше не говоря ни слова, резко повернул замок.

Глава 11

Ксюша

Я стояла в тесной кабинке туалета, тупо смотрела на себя в зеркало, а крупные, горячие слёзы одна за другой катились по моим щекам. В голове набатом стучал один и тот же вопрос: что мы делаем? Что, чёрт возьми, он творит? А я? Почему я раз за разом позволяю ему так легко сносить мою оборону? Я ведь должна была сразу оттолкнуть его, ударить, дать четко понять, что всё это — огромная, непоправимая ошибка. Я бессильно опустила голову вниз, чтобы просто не видеть своего собственного жалкого отражения.

«Так, ладно… Соберись, Ксюша», — прерывисто прошептала я сама себе.

В этот самый момент в пластиковую дверь настойчиво постучали.

— У вас всё хорошо? — донесся обеспокоенный голос стюардессы.

— Да, минуту! — крикнула я в ответ, судорожно смахнув слёзы.

Я быстро поправила макияж, умылась и кое-как стерла черные разводы под глазами. Белки слегка покраснели, но я решила, что просто буду смотреть исключительно в пол — никто ничего не заметит. Главное — долететь до места, и там всему этому наступит конец. Кирилл уйдет по своим важным бизнес-делам, а я буду спокойно гулять этот месяц, как мне и положено в отпуске. Нарисую много других, совершенно новых картин, открою душу для чистого листа. Да, именно так всё и будет.

— Чёрт, нет… — шикнула я, упрямо качнув головой. Всё шло совсем не так. Ну и нужно же было ему появиться в моей жизни именно сейчас, когда я только-только начала что-то решать, строить независимые планы и пытаться дышать без него!

Я ещё раз судорожно поправила растрепанные волосы и наконец вышла в салон. Бортпроводница сочувственно посмотрела на моё бледное лицо и слегка, очень понимающе улыбнулась.

— Хотите шампанского? — негромко проговорила она, видя мое состояние.

— Да… Думаю, да, — выдохнула я, готовая ухватиться за любое спасение.

Она лишь согласно кивнула, а потом вдруг робко протянула мне глянцевое фото из интернета, на котором я была запечатлена в своей галерее на фоне выделенной детской комнаты с рисунками.

— Ксения, а можно, пожалуйста, автограф для моей младшей сестры? Она тоже рисует и просто бредит вашими работами, — тихо проговорила девушка.

Я невольно тепло улыбнулась. Внутри от этого детского упоминания сразу немного отпустило боль.

— Конечно, — отозвалась я.

Взяв маркер, я кивнула ей и размашисто расписалась прямо на фото, но возвращаться в свое кресло бизнес-класса мне было физически страшно. Пришлось пройти назад к своему ряду лишь для того, чтобы быстро наклониться через колени Кирилла и забрать с сиденья свою маленькую сумочку. Посмотрев на меня снизу вверх, он поджал губы, а в его глазах мелькнула тревога.

— Ваниль?.. — едва слышно, умоляюще прошептал он, пытаясь перехватить мой взгляд.

— Отвали, — тут же ледяным тоном буркнула я ему прямо в лицо и круто развернулась, уходя обратно в начало салона к стюардессе.

Я подошла к стойке проводников, достала из сумочки блокнот и ручку.

— Девушка, а можете написать мне свой домашний адрес для почтового отправления? Я очень хочу сделать вашей сестре небольшой подарок от себя — вышлю ей профессиональный набор пастели и несколько своих эскизов.

Бортпроводница от такой неожиданной щедрости прямо опешила, но тут же расплылась в счастливой улыбке и быстро написала координаты на листке.

— Спасибо огромное, Ксения! — искренне проговорила она.

— Вам спасибо, — ответила я, пряча листок. — И… можно мне, пожалуйста, две бутылки шампанского?

Девушка лишь понимающе кивнула, открывая охлаждаемый шкафчик.

— Всё настолько плохо?

— Хуже некуда, — честно отозвалась я, принимая из её рук прохладное стекло.

По итогу на свое законное место я так и не вернулась до самого снижения. Я стояла в технической зоне бортпроводников, прямо за задернутой плотной синей занавеской, мелкими глотками пила шампанское прямо из фужера, и мы очень мило, по-женски проболтали со стюардессой какое-то время, пока её периодически подменяла другая коллега и ходила проверять порядок по залу. Я вкратце, без имен, обрисовала ей ситуацию своей жизни.

— Вот же козёл… — покачав головой, со смешком проговорила девушка, комментируя поведение Чернова, и мы снова тихо, слаженно рассмеялись.

Но стоило мне пригубить третью бутылку, когда в моем фужере оставался буквально один последний глоток, как плотная занавеска резко дернулась в сторону. В проеме выросла разъяренная фигура Кирилла.

— О-о-о… А вот и он, легок на помине, — пьянл посмеялась я, даже не подумав испугаться его грозного вида.

Стюардесса рядом со мной сразу заметно притихла и выпрямилась по струнке под его уничтожающим взглядом. Кирилл смотрел на нас вовсю злыми, потемневшими глазами.

— Техника безопасности, не иначе! — опасно прорычал он, обращаясь исключительно к испуганной сотруднице авиакомпании и чеканя каждое слово. — Пассажирам запрещено находиться в технической зоне во время полета. Верните её на место.

— Не слушай его, милая, он всегда такой противный и занудный, — тут же дерзко бросила я девушке, демонстративно допивая весь фужер до самого дна прямо на его глазах.

Поставив посуду на стойку, я искренне поблагодарила её за уделенное мне время, развернулась и уверенно прошла прямо мимо Кирилла в узком проходе, намеренно со всей силы толкнув его своим плечом в грудь. Он даже не шелохнулся, лишь шумно выдохнул мне в затылок.

Я дошла до своего ряда и наконец-то с размаху опустилась в кресло. Макс через проход тут же резко повернул голову в мою сторону, выжидающе глядя на мои припухшие губы и взбудораженный вид.

— Что? — тут же раздраженно проговорила я ему, выгибая бровь.

— Ничего, — тихо, насупившись, отозвался он и отвернулся.

— Вот и отлично. Пусть так всё и будет, — громко проговорила я, откидываясь на спинку и закрывая глаза.

Надоели они мне все за этот проклятый полет до такой степени, что сил на эмоции просто не осталось.

Оставшееся расстояние до нужного нам места прошло в полнейшей тишине. Кирилл меня больше не трогал, ничего не говорил и просто молча тыкал пальцами в свой телефон, перелистывая какие-то рабочие графики. И это, если честно бесило. Внутри всё клокотало от нерастраченной злости, мне до безумия хотелось прямо сейчас взять и поругаться с ним на весь салон бизнес-класса, высказать ему в лицо, какая он самодовольная, эгоистичная скотина.

Но мысленно я ругала только себя. Ругала за свою слабость, за бесхребетность. И за то, что, несмотря ни на что, вопреки всему пережитому и трем годам разлуки, я всё ещё отчаянно люблю его. Хочу любить. Мне хотелось обернуться, вцепиться в его черную рубашку и закричать ему в лицо:

«Пожалуйста, просто вернись ко мне! Всё прощу, на всё грязное прошлое закрою глаза, только не отпускай больше!»

От этих мыслей и выпитого алкоголя состояние сразу стало паршивым. Три бутылки шампанского тяжело перекатывались в желудке, готовые в любую секунду выйти наружу, но я лишь сильнее сжала челюсти, упрямо глядя перед собой. Эта минутная слабость сейчас пройдет. Обязана пройти.

Вера с заднего ряда то и дело присылала мне короткие СМС:

«Ты как? Ок?», «Всё норм? Чернов не буянит?».

Я лишь отвечала ей дежурными смайликами, уверяя, что всё ок, я в полном порядке и мне вообще не нужна помощь.

Последнее сообщение, которое прилетело с её номера, заставило меня вздрогнуть:

«Просто потрогай его член, и всё сразу пройдет».

Конечно, автором этого шедевра был Паша. Я думаю, абсолютно все пассажиры и стюардессы в салоне отчетливо слышали, как Верка в ту же секунду яростно зашипела на мужа на весь хвост бизнес-класса, а Пашка в ответ лишь громко, раскатисто поржал.

Я не выдержала и сама тихо посмеялась, обернувшись на них через плечо. Кирилл в этот момент оторвался от экрана, перевел на меня свой недоуменный взгляд, и я была абсолютно уверена: он по своей старой привычке безумно хотел прямо сейчас вырвать мобильник из моих рук и лично посмотреть, что там за переписка.

— Ты не уточнил, чей именно! — со смехом крикнула я Пашке через весь салон, окончательно забивая на приличия.

Паша от моей дерзости снова оглушительно заржал на весь самолет, оценив шутку, а Верка, кажется, закрыла лицо руками. Кирилл рядом со мной лишь опасно прищурился, желваки на его челюсти заходили ходуном, но до самого момента посадки и объявления о снижении он так и не произнес больше ни единого слова, продолжая гипнотизировать меня взглядом.

Глава 12

Выходила я из самолета вслед за ребятами. Вера и Паша по какой-то неведомой причине умудрились проскочить вперед и ушагать первыми, словно специально бросив меня в компании этих двух дураков. Кирилл и Макс тащились позади меня по телескопическому трапу и всю дорогу пихались плечами. Как маленькие дети, честное слово, аж злость берет.

Когда мы наконец добрались до зоны получения багажа, я подошла поближе к движущейся ленте. Народу вокруг было прилично. Я спокойно ждала свой чемодан, когда в меня с размаху влетел какой-то пузатый, грузный мужик, бесцеремонно пробивая себе дорогу локтями.

— Смотри, куда прешь, кукла! — рыкнул он на меня, грубо отпихивая в сторону.

— Вообще-то, я первая здесь стояла, — возмущенно проговорила я ему в спину. Выпитое в самолете шампанское мгновенно дало о себе знать, стирая последние капли моей пугливой осторожности. Я уперла руки в бока и нахмурилась: — Ты чё, козлина, совсем берега попутал?

Мужчина резко развернулся, свирепея на глазах:

— Чего рявкнула, сука?! Я тебе сейчас рожу расцарапаю, уродка!

— Ты как меня сейчас назвал?! — крикнула я, делая шаг вперед.

В ту же секунду меня просто мягко оторвали от пола, переставили на шаг назад, а перед моим носом возникла широкая, монолитная спина в черном пиджаке.

— Извинись перед ней, — ледяным, вкрадчивым шепотом прошипел Кирилл, нависая над агрессивным пассажиром.

— Да угомони ты свою стерву! — шикнул тот, пытаясь хорохориться, но его запал явно угас под тяжелым взглядом Чернова.

Кирилл даже бровью не повел. Он молниеносным движением схватил мужика за шкирку, приподнял и одним мощным рывком отпихнул его далеко назад, в самый конец выстроившегося у ленты народа.

— Подождешь в конце, как и все остальные, — спокойно и ровно проговорил Кирилл, поправляя манжеты рубашки.

В ту же секунду из-за угла оперативно появилась аэропортовая охрана, которую, кажется, одним взглядом вызвал стоящий чуть поодаль Макс, и быстро утащила орущего нарушителя куда-то в сторону служебных помещений. По залу пронесся облегченный вздох пассажиров.

— Какой твой? — как ни в чем не бывало обернулся ко мне Кирилл, кивая на ползущую ленту с первыми сумками.

— Вон тот, — я ткнула пальцем на свой большой, ярко-розовый чемодан, полностью усыпанный принтами с разноцветными глазированными пончиками.

Кирилл лишь замер на секунду и сильно поджал губы, изо всех сил стараясь сдержать рвущийся наружу смех.

— Чего?! — возмутилась я, уже наклоняясь, чтобы самостоятельно стащить свой багаж с движущейся дорожки. Но Кирилл перехватил инициативу и почти вырвал его у меня из рук, легко опуская на пол.

— Пончики?

— Пончики! И что с того? Зато его издалека видно среди всего вашего унылого серого бедлама, — я выразительно указала рукой на остальные скучные черные сумки, включая его собственный дорогой кожаный кейс.

В этот момент маленькая девочка, стоящая позади нас с родителями, восторженно дернула маму за край кофты и громко крикнула на весь зал:

— Мама, смотри! Я тоже хочу себе такой чемоданчик! С пончиками!

— Вот видишь? Людям нравится! У них есть вкус! — победно проговорила я, упрямо вырывая ручку своего розового багажа из пальцев Кирилла.

— Она ребёнок, Ксюша, — проговорил он, одновременно с этим подхватывая с ленты свой чемодан. Мы двигались синхронно, словно сама вселенная издевательски и намеренно сталкивала нас вместе в каждой мелочи.

— И что? Дети всегда интуитивно выбирают самое лучшее! — парировала я, проходя вперед и весело подмигивая той самой маленькой девчушке.

— Это уж точно, — улыбнувшись, согласно заявила её мама, оценив нашу перепалку.

— Ого… — я резко остановилась посреди терминала, едва не заставив Кирилла врезаться мне в спину. Мой взгляд приковал багаж, который катила эта маленькая девочка. Это был крошечный детский чемоданчик, полностью обтянутый нежно-розовой тканью с объемными шелковыми бабочками.

Внутри меня всё перевернулось, возвращая в тот вечер в ресторане три года назад. Я присела на корточки перед малышкой, совершенно забыв про мужчин за спиной, и мягко улыбнулась ей:

— Знаешь, если бы не все мои взрослые наряды, которые туда просто не поместятся, я бы с тобой прямо сейчас обменялась. У меня однажды было точно такое же платье. С такими же бабочками. И знаешь что?

— Что? — с любопытством спросила девочка, широко открыв глаза и крепко сжимая ручку своего чемоданчика.

— Оно изменило всю мою жизнь, — тихо, но отчетливо произнесла я, чувствуя, как за спиной буквально затылком ловлю потяжелевший взгляд Кирилла.

— И ты нашла в нем того самого парня? — невинно поинтересовалась малышка, явно наслушавшись сказок про принцесс.

— Лучше, — отозвалась я, поднимаясь на ноги и поправляя сумочку на плече. — Я окончательно поняла, какой он идиот.

Девочка тут же весело хихикнула, оценив шутку, а её мама снова понимающе усмехнулась. Я круто развернулась и быстро пошла вперед к выходу из терминала, принципиально больше не глядя на Кирилла и катя за собой свой чемодан с пончиками.

— Ксения, она же ребёнок! — крикнул он мне в спину, пытаясь нагнать меня своими широкими шагами.

— Она взрослый ребенок! — бросила я через плечо, даже не притормаживая.

Алкогольный туман в голове постепенно сменялся привычным упрямством. Я прибавила шагу и уже практически побежала к стеклянным дверям на улицу, стремясь как можно скорее догнать скрывшихся из виду Веру и Пашу. Этот полет и эти двое мужчин выжали из меня все силы, и сейчас мне нужно было только одно — добраться до отеля, запереться в номере и остаток дня просто не видеть ни одну знакомую физиономию из своего прошлого.

Плюхнувшись на огромную двуспальную кровать своего роскошного гостиничного номера, я отчаянно простонала в подушку — всё тело нещадно болело и ломило после этого сумасшедшего, выматывающего перелета. Не успела я толком перевести дыхание, как Макс тут же оборвал мне телефон, трезвоня без остановки.

— Все нормально, Макс, — устало проговорила я уже, наверное, раза в четвертый, когда он в очередной раз тревожно спросил, отвязался ли наконец от меня мой бывший.

Я прижала мобильник к уху и, перевернувшись на спину, попыталась выудить у Макса, откуда он вообще взялся именно там, где и я, на одном борту. На что он, замявшись, сказал, что это вышло абсолютно случайно. Оказывается, суровый отец отправил его сюда по делам корпорации, у них тут открылся свой новый крупный филиал и офис, и Максу нужно было лично проверить местных работников.

— Ладно, поверю, — неохотно отозвалась я, очерчивая пальцем узор на покрывале.

Мы поболтали с ним ещё какое-то время. Макс с явным облегчением в голосе рассказал, что с его отцом всё в итоге вышло максимально удачно, и я ему очень сильно понравилась в роли будущей невестки. Старик при всех инвесторах сказал, что Макс большой молодец и теперь может спокойно продолжать делать свой независимый строительный бизнес дальше. Но Воронов тут же виновато добавил, что в любом случае нам ещё пару раз точно придётся подыграть ему, если вдруг случится какая-то важная общая встреча.

— Посмотрим по обстоятельствам, — уклончиво ответила я, садясь на постели. — Учти, Воронов, я твёрдо намерена за этот месяц отпуска кардинально изменить свою жизнь и, может быть, даже покрутить с кем-нибудь бурный курортный роман.

В динамике раздался его кашель и натянуто рассмеялся.

— Может, увидимся? — тихо проговорил он, и я на секунду замерла с открытым ртом.

В этом его простом вопросе внезапно прозвучала какая-то явная надежда, что ли… Какая-то обречённость. Внутренний радар безопасности испуганно зазвенел.

— Максим? — тут же предостерегающе выдохнула я.

— Просто дружеская прогулка, — тут же торопливо отозвался он, сдавая назад.

— Ладно, — со вздохом проговорила я, сдаваясь. — Но мои трусики гарантированно останутся при мне, — снова пошутила я, громко рассмеявшись, чтобы окончательно сбить этот странный интимный настрой. — Всё, Макс, до связи.

Я попрощалась и быстро сбросила вызов. Глубоко выдохнула, расслабленно обернулась вовсю сторону комнаты, а потом мгновенно замерла на месте, переставая дышать. Паника ледяным током прошила позвоночник.

— Какого… — тут же ошарашенно проговорила я, во все глаза уставившись на дальний угол.

Кирилл стоял у панорамного окна со сложенными на груди руками и нагло, торжествующе усмехался, буравя меня своими глазами.

— Надеюсь, приоритет с твоими трусиками есть только у меня, — хрипло и вкрадчиво выдал этот дикарь.

— Ты что здесь делаешь?! Как ты вообще сюда вошёл?! — тут же яростно возмутилась я, подскакивая с кровати.

Вместо ответа Чернов лишь вальяжно покрутил в воздухе пластиковой картой-ключом.

— Вообще-то, это мой номер, — лениво проговорил он. — А вот как попала сюда ты, Ваниль? Это что, твой очередной спланированный сюрприз для меня?

Он оторвался от стены и стал медленно, плавно сокращать расстояние между нами, надвигаясь на меня как настоящий хищник на загнанную в угол добычу.

— Вообще-то, это мой номер! — проговорила я, резво подскакивая к комоду, хватая свою сумочку и требовательно показывая ему точно такой же пластиковый ключ.

Я вырвала его карту из пальцев, и мы синхронно сравнили их — на электронных чипах красовался один и тот же номер апартаментов.

— Видимо, просто счастливая случайность, — нагло и абсолютно счастливо проговорил он, нависая надо мной и обжигая дыханием лицо.

— Ты… — я со злостью ткнула в его грудь острым краем пластикового ключа. — Чернов, если ты всё это подстроил специально… ты очень сильно об этом пожалеешь, понял?!

Я тут же на порыве вышла из номера, решительно направляясь с сумочкой и документами обратно на ресепшен. Девушка-администратор непонимающе смотрела на меня, испуганно вбивая информацию в компьютер, и стоило Кириллу бесшумной тенью возникнуть за моей спиной, она тут же испуганно закусила губу.

— Прошу простить, и правда путаница произошла, — начала она быстро тараторить, бледнея под тяжелым взглядом Чернова. — Это впервые за всю нашу работу… Но свободных

мест в этой категории больше нет. Я могу попробовать предложить вам другой элитный отель в городе, мы полностью оплатим бронирование за счёт компании.

— Нет, я не хочу в другой отель! — резко проговорила я, упрямо качнув головой. — У меня здесь друзья, и мне удобнее всего находиться именно в этом корпусе.

— Я тоже не могу переехать, — тут же проговорил Кирилл, вальяжно опершись локтем о стойку. — У меня рабочий офис прямо через дорогу отсюда.

Я тут же смерила его злым, уничтожающим взглядом.

— Может быть, можно с кем-то из гостей поменяться? — предприняла я последнюю попытку, оборачиваясь к девушке. — Хотя бы на обычный двухместный номер?

Девушка снова судорожно потыкала пальцами по клавиатуре и обреченно выдохнула:

— Нет, увы. Сейчас сезон отпусков, наплыв туристов, всё забронировано на три недели вперед.

Я тут же резко забрала со стойки свои документы.

— Считайте, что теперь у вашего отеля просто отвратительная репутация, — бросила я ей, отстраняясь. Администратор снова виновато закусила губу, готовая расплакаться.

— Не слушайте её, она просто сегодня не в настроении с дороги, — снисходительно отозвался Кирилл и уверенным шагом зашагал следом за мной в сторону лифтов.

«Нет, это ты всё точно подстроил специально! За что меня бог так наказывает?!»— мысленно кричала я, едва сдерживая слезы обиды. Развернувшись на этаже, я решительным шагом направилась прямиком к номеру Веры и Паши.

Уже через пять минут мы вчетвером сидели у них в комнате, и я отчаянно уговаривала Пашу забрать этого урода к себе, а ко мне переселить Веру. Мне было в сто раз проще спать с ней на одной постели, чем делить пространство с Черновым.

— Ты что, гонишь, Ксюха? — Пашка тут же громко заржал на весь номер, откидываясь на подушки. — Я чё, по-твоему, должен спать с ним на одной койке в свой медовый месяц?

— А ты хочешь, чтобы я спала на одной койке с ним?! — тут же взрывно возмутилась я, указывая пальцем на застывшего у двери Кирилла.

— Ну, вы же до этого как-то спали… — хмыкнул Паша.

— Заткнись сейчас же! — тут же панически прошипела на мужа Вера, заметив, как я стремительно бледнею. Она подошла ко мне и мягко взяла за руки: — Ксюнь. Ну всего на пару дней, окей? Перетерпи. Потом мы обязательно переедем в другое место.

— Какое ещё другое место? А как же новая галерея? — возмутилась я.

— Ты ведь обещала мне вообще не работать в этот отпуск! — возмутилась Вера, строго глядя на меня. — Галя же ясно сказала тебе… — она внезапно запнулась на полуслове, мельком глянув на внимательно слушающего нас Кирилла, и осеклась.

— Я буду делать то, что надо, ясно?! — отрезала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

По итогу, окончательно поняв, что мои драгоценные друзья вообще не собираются мне помогать и спасать из этой ловушки, я вернулась в свой злополучный номер. Кирилл зашел следом за мной, тихо прикрыв дверь на замок.

— На сколько ты вообще здесь устроился? — сухо отозвалась я, косясь на его фигуру.

— Пока точно не знаю. На неделю — это как минимум, — расслабленно ответил он, начиная на ходу расстегивать пуговицы на манжетах.

— Спать будешь исключительно на полу, Чернов, — ледяным тоном проговорила я, занимая позицию у комода.

— Окей, без проблем, — тут же покладисто пожал он широкими плечами и принялся без тени смущения раздеваться прямо посреди комнаты.

— Эй! — я резко ткнула в него пальцем и требовательно замахала рукой в сторону коридора: — Переодеваться будешь строго в ванной комнате! Голым мне тут не ходить, баб в номер не водить и вообще со мной не разговаривать! Слышишь? Забудь мой голос.

— Тебе не кажется, Ваниль, что требований, «не», слишком много, а? — Кирилл в один рывок стянул с себя черную рубашку, словно нарочно делая это максимально медленно, и со злостью бросил её прямо на кровать.

Он сделал шаг в мою сторону, нависая всей своей мускулистой, покрытой татуировками массой:

— На тебя не смотреть, не дышать, не целовать, не трогать и не тра…

— Замолчи! — тут же панически пискнула я, затыкая уши ладонями и отстраняясь от него как можно дальше к стене. — Стой там, где стоишь! Не подходи!

Я судорожно подхватила со стола свою маленькую сумочку с документами и вылетела из номера в коридор, громко хлопнув дверью. Мне срочно нужно было выпить чего-нибудь крепкого прямо сейчас. Да, мне до безумия нужен был горячий душ, чтобы ополоснуться с дороги, но пока это невыносимое, голое недоразумение обосновалось в моей ванной, мне нужно было просто дойти до ближайшего бара и заглушить этот нарастающий внутренний шторм.

Глава 13

Кирилл

Приняв душ и неторопясь разобрав кое-какие шмотки на завтра, я завалился прямо в одежде на огромную двуспальную кровать и стал выжидающе ждать. План пока что шёл просто идеально. Заодно на этой неделе и поработаю удаленно, как и планировал изначально. Офис через дорогу, про который я наплел на ресепшене, и правда существовал. Но он, конечно, не был моим. Да и какая, нахер, разница? Я просто буду уезжать туда на какое-то время днем по своим делам, демонстративно показывать занятость, а потом возвращаться в апартаменты и лоб в лоб сталкиваться с ней здесь. У меня сейчас была только одна единственная, самая главная задача в этой жизни — не дать ей за этот месяц найти себе другого мужика. И плавно, день за днем, дать ей понять, что я прилетел сюда только ради неё. Да даже не так… Я уже три года живу и дышу только для одной этой упрямой девчонки.

Она вернулась в номер только через два часа. Дверь тихо щелкнула, и Ваниль ввалилась в прихожую — довольная, подозрительно счастливая и… пьяная?

Причем притащил её в номер какой-то местный кобель, судя по загару и белой рубашке, находящийся примерно в таком же кондиционном состоянии, что и она. Ксюша шла, слегка покачиваясь на своих каблуках и весело хихикая. Но стоило этому типу переступить порог и увидеть меня, стоящего посреди комнаты в одних домашних штанах и с голым торсом, как он тут же нахмурился, мгновенно трезвея.

— А-а-а, забей, — беспечно махнула Ксюха рукой, глупо улыбаясь и даже не пытаясь отстраниться от его плеча. — Это мой брат. Кирилл. Проговорила она ему, заплетаясь языком.

Парень понимающе хмыкнул, мельком оценив мои татуировки и разворот плеч, быстро чмокнул мою Ваниль прямо в щеку на моих глазах и бережно передал её хрупкое тело мне в руки.

— Ну, держи её, брат, — усмехнулся он, пятясь обратно в коридор. — Я, кстати, бармен из лобби снизу. Держи её крепче, иначе она за ночь выпьет весь мой бар на первом этаже.

— Понял, спасибо, — ледяным тоном проговорил я, перехватывая Ксюшу за талию и прижимая к своему боку.

Я сделал шаг вперед и с грохотом закрыл дверь номера прямо перед его носом, резко провернув замок. Повернулся к своему пьяному цветку, которая уже вовсю пыталась высвободиться из моих рук, и почувствовал, как внутри снова разгорается знакомый, голодный пожар.

Подхватив её на руки брыкающуюся и шипящую как потревоженная змея, силой усадил на край кровати.

Я молча опустился перед ней на одно колено, чтобы наконец снять с её ног эти сумасшедшие босоножки.

— Да отвали же ты от меня! — Ксюха тут же начала пьяно пинаться мне в грудь.

Но я одним четким движением перехватил её тонкие лодыжки, зафиксировав их ладонью прямо у пола. Жестко. Слегка силой. Чтобы не дергалась.

— Только не говори мне, что у тебя из-за меня на целых три года зависимость появилась?! — проговорил я.

— Чего? — она искренне возмутилась, на секунду замирая.

Она слегка наклонилась ко мне, обжигая лицо коктейльным спиртом.

— Максимум, что вообще с тобой в моей жизни связано — это то, что ты мне до безумия противен! — прошипела она, кривя свои пухлые искусанные губы. — У меня официальный отпуск, понял?! Я имею полное право позволить себе всё, что захочу! У меня… у меня вообще-то жесткий кризис вдохновения. Я прилетела сюда для того, чтобы просто отдохнуть. Расслабиться, трахнуть пару-тройку местных горячих кавалеров и…

Ксюша тут же осеклась на полуслове, испуганно округлив глаза и глядя на меня сверху вниз.

— То есть… я имела в виду… — она судорожно попыталась поймать ускользающую мысль, но прямо в этот момент экран её мобильника, который она сжимала в руке, взорвался входящим вызовом от Воронова.

— То есть… — пьяно повторила она, пытаясь сфокусировать затуманенный взгляд на светящемся дисплее.

— Ненавидешь меня за то, что произошло три года назад, а сама прямо сейчас открыто изменяешь своему «жениху»? — ледяным тоном перебил её я, буравя взглядом эту заминку. — Хороша невеста.

— Ничего я не… — Ксюша тут же яростно запротестовала.

Она со всей силы оттолкнула меня ладонями в плечи, вырывая свои ноги из моей хватки. Сама, путаясь в шнурках, принялась судорожно стягивать с себя эти злосчастные туфли, а телефон с вызовом Макса со злостью откинула куда-то в глубину матраса, так и не приняв звонок.

— Ненавижу тебя! — в последний раз зашипела она мне в самое лицо, с трудом поднимаясь на ноги.

Пошатываясь на ходу, Ваниль стремительно ушла вглубь коридора, с грохотом скрывшись за дверью ванной комнаты. Я услышал, как внутри с щелчком повернулся замок, а следом шумно зашумела вода.

Я медленно поднялся с колен, подобрал с пола её брошенные босоножки, аккуратно поставил их у комода и взял в руки её оставленный на постели мобильник. Экран уже погас, оставив уведомление о пропущенном от Макса.

Пока Ксюша была в душе, её телефон на кровати то и дело мигал входящими уведомлениями. Экран загорался раз за разом, разрезая полумрак комнаты. Сначала высветилось имя «Галина». Я без понятия был, кто это вообще такая, и даже соваться не хотел в чужие бабские переписки. Потом всплыло сообщение от её отца — Светлов коротко спрашивал, как долетела дочь. Следом прилетел точно такой же вопрос от её матери. Судя по всему, они общались действительно часто, что, в общем-то, не удивительно.

Ну и, конечно, Макс. Этот гнойный прыщ не упускал ни одной херовой секунды, чтобы напомнить о себе. Прочитав высветившийся на экране текст с адресом и временем их завтрашней встречи, я лишь раздраженно процедил сквозь зубы: «Идиот». Она после перелета ещё и сама должна тащиться к нему на свидание?

Внутри всё равно нехило так заклокотало от ревности. Я не выдержал, взял трубку и разблокировал экран. Да, у неё, как обычно, не стояло ни паролей, ни графических ключей — заходи и смотри кто хочешь, святая наивность. Первым делом я залез в галерею. Там висели обычные фотографии с Веркой, Пашкой, куча снимков с детьми из детского дома. Я прекрасно знал, что она уже давно тайно переводит им благотворительную помощь, и сам, если честно, все эти годы тоже регулярно отправлял на счета этого приюта крупные суммы, надеясь хоть так стать к ней ближе. Дальше шли её рабочие эскизы, наброски, задумки холстов… А в самом-самом конце альбома притаились наши старые фотографии. Дурацкие совместные селфи, короткие видео — абсолютно всё, что у нас накопилось за те счастливые полгода, бережно хранилось в памяти её телефона.

В груди так болезненно защемило, что дышать на секунду стало трудно. Она ничего не удалила. Быстро набрав свой номер, я сделал короткий дозвон, чтобы наконец сохранить её новые цифры, и аккуратно отложил мобильник обратно на прикроватную тумбочку, оставив остальные уведомления нетронутыми.

В этот самый момент дверь ванной тихо скрипнула, и Ксюша вышла в комнату, кутаясь в просторный отельный халат. Даже не взглянув в мою сторону, она на автопилоте дошагала до постели и просто с размаху плюхнулась на матрас рядом со мной.

— Иди на пол… — буркнула она мне куда-то в матрас, упрямо дернув всё одеяло на себя и заворачиваясь в него, как в кокон.

— Выглядишь, честно говоря, не очень, — отозвался я, поворачиваясь на бок и внимательно рассматривая её бледное лицо. Теперь стало понятно, почему она так долго сидела под проточной водой — моя Ванилька перебрала в лобби-баре просто знатно.

— Отвали… — так же тихо буркнула она в подушку, зажмурив глаза.

Наплевав на все её запреты, я просто без лишних слов залез следом под одеяло и собственнически притянул её хрупкое тело к своей груди со спины, накрывая ладонью талию.

— Уснёшь — и я сразу уйду спать на пол, обещаю, — негромко отозвался я ей в затылок.

Ксюша лишь обреченно, тяжело выдохнула, но, к моему удивлению, вообще не стала сопротивляться.

— Это будет просто поганый отпуск, Ваниль, если ты каждый день планируешь так жестко набираться в барах. Тебе ведь, судя по всему, чтобы опьянеть, надо просто пробку от бутылки понюхать, — тихо посмеялся я, утыкаясь носом в её влажные волосы.

— Замолчи уже, Кирилл… — мученически простонала она, утыкаясь лицом глубже в подушку.

— Ладно, иди ко мне, — примирительно проговорил я.

Я аккуратно развернул её в своих руках к себе лицом и крепко приобнял, прижимая к своей груди. И снова — абсолютно ноль упорства. Ксюша лишь судорожно выдохнула мне прямо в шею, расслабляясь, и несмело обняла меня в ответ, пряча нос.

— Ненавижу тебя… — едва слышно прошептала она, из последних сил слабо проведя ногтями по моей спине, оставляя легкие покалывающие дорожки.

— А я люблю тебя, — выстраданным шепотом проговорил я ей прямо в лоб. — Спи уже, Ваниль.

Она затихла, её дыхание постепенно выровнялось, становясь глубоким и мерным, а я так и остался лежать в темноте, поглаживая по спине свою самую главную, единственную женщину.

Глава 14

Проснулась я в абсолютно холодной постели и, не знаю почему, но замёрзла напрочь. И это при том, что за окном стояла летняя жарища. Оказалось, кондиционер в номере был врублен на полную мощность, или это меня саму так сильно знобило после вчерашнего алкогольного марафона. Кое-как дотянувшись до пульта на прикроватной тумбочке, я попыталась его выключить, но техника выдала ровно ноль эффекта. Слишком умная система, чтоб её. Раздраженно простонав, я пододвинула стул прямо к стене, забралась на него и с силой выдернула шнур этого пластикового гиганта прямо из розетки.

— Вот так тебе, — довольно проговорила я, спрыгивая на паркет и… резко замерев на месте.

Я совсем забыла про Кирилла. Он, как я и требовала вчера, действительно спал на полу, отрыв где-то в шкафу тонкие запасные простыни и легкий плед. Но, судя по тому, что этот огромный дикарь свернулся калачиком под своим хлипким укрытием, он точно замерз этой ночью как суслик. Я подошла ближе, нависая над ним и критически осматривая его широкую спину. Его плечи немного потряхивало от холода, но он упрямо продолжал спать.

— Эй! — я легонько ткнула его босой ногой в бок. — А ну вставай. Чего развалился тут на полу, как бездомный?

Кирилл с трудом приоткрыл один глаз, мутным взглядом уставившись на меня.

— Что?.. — как-то слишком хрипло, надсадно отозвался он.

— Чего валяешься, спрашиваю? На кровать иди, — буркнула я, отворачиваясь.

Чернов тут же резко вздернул голову, упрямо усмехнулся одними уголками губ и в одно движение шустро перекатился на постель, забираясь под мое теплое одеяло.

— Ты знала, Ваниль, что ты настоящий изверг? — глухо проговорил он, и я с ужасом заметила, что его губы были слегка синеватого оттенка. — Я там за ночь просто одубел, ясно тебе?

— Кондей сломался, — коротко проговорила я.

— Сломался… — прошептал он, натягивая одеяло до самого подбородка, а затем просто закрыл глаза и снова мгновенно уснул.

Я качнула головой, быстро приняла горячий душ, привела себя в порядок и переоделась в свое новое, невероятно нежное воздушное розовое платье из легкого шифона с воротником-хомутом и открытой спиной. Волосы собрала в небрежный пучок, на руку застегнула изящный браслет-цепочку и уже полностью собиралась отправиться на прогулку. Но сначала нужно было обязательно зайти к ребятам. Верке я уже успела набрать на ходу, и подруга бодрым голосом ответила, что они с Пашкой как раз вовсю одеваются. Я заверила её, что у меня тоже всё просто отлично, правда, голова после вчерашнего лобби-бара болит нещадно.

Я подошла к тумбочке, чтобы забрать свои наручные часы, и мой взгляд случайно упал на Кирилла. На секунду я замерла.

— Эй, — я тут же обеспокоенно ткнула пальцем в его плечо. — Кирилл?

Того крупно трясло под одеялом, а на бледном лбу крупными каплями выступила холодная испарина.

— Ты чё, решил тут помереть у меня в номере, что ли? — тут же зло отозвалась я, а у самой внутри, в самой глубине груди образовался болезненный, едкий укольчик вины.

Этот упрямый индюк из-за моих дурацких капризов всю ночь спал на ледяном полу под кондеем и напрочь простудился. Заболел по моей вине. Я, отбросив часы, тут же присела на край матраса и приложила тыльную сторону ладони к его лбу. Кожа была просто огненной.

Кирилл от моего прикосновения медленно приоткрыл потяжелевшие глаза, вглядываясь в мое лицо.

— Привет… — прошептал он тихо, словно в каком-то бреду, и попытался поймать мои пальцы.

— Привет, — буркнула я, поспешно убирая руку. — Ты горишь, Чернов. У тебя дикий жар.

— Горю… — покорно отозвался он, глубже зарываясь в подушку.

Я пулей подскочила к своему розовому чемодану, принялась лихорадочно перерывать вещи и выудила оттуда аптечку, в которую Галя перед выездом заботливо напихала кучу разных лекарств на все случаи жизни. Нашла сильное жаропонижающее.

— На, пей давай, — я вернулась к кровати, бесцеремонно запихала таблетку ему прямо в рот и протянула открытую бутылку с водой. — Лежи и никуда сегодня не ходи, понял меня? Лечись.

— Куда ты собралась? — едва слышно прошептал он, снова бессильно откидываясь на подушку и негромко простонав, видимо, от боли в голове или от резкого скачка жара.

— Гулять мы собрались, с ребятами, — тут же строго проговорила я, застегивая сумочку.

Кирилл снова с трудом приоткрыл глаза, медленно, оценивающе оглядел меня в моем новом наряде.

— Красивая… — сорвалось с его сухих губ признание. — Слишком красивая, Ваниль, чтобы вот так на улицу идти.

— Ой, помолчи, я твоего мнения вообще не спрашивала, — фыркнула я, чувствуя, как щеки предательски обдает жаром от его комплимента.

Я уже развернулась и собралась решительно уйти из комнаты, как он внезапно выкинул руку из-под одеяла и крепко, цепко дернул меня за запястье, останавливая у самой кровати.

— Не уходи, — хрипло, умоляюще проговорил он, глядя на меня снизу вверх. — Побудь со мной.

— Я тебе что, личный врач, что ли, чтобы сидеть тут без конца около тебя? — напустив на себя как можно более суровый вид, отозвалась я, хотя сердце в груди забилось в три раза быстрее. — Таблетку выпил, воду я тебе оставила, дальше давай как-нибудь сам справляйся. Выздоравливай.

Я аккуратно, но настойчиво высвободила свою руку из его горячих пальцев, подхватила сумочку с тумбочки и быстрым шагом ушла из номера, закрыв за собой дверь. Я упрямо шла по коридору к Вере, но перед глазами до сих пор стояло его беззащитное, горящее в лихорадке лицо, и внутри меня шла жестокая война между голосом разума и отчаянным желанием вернуться назад.

С ребятами я встретилась уже внизу, когда стояла у фуршетной линии и собирала себе завтрак. Мы решили не выпендриваться и просто покушать в общей столовой отеля, выбрав на фуршете всё, что понравится. Но мне почему-то кусок в глотку не лез. Аппетит пропал напрочь, а перед глазами всё стояло бледное лицо Кирилла.

— Куда сегодня пойдём? — весело проговорила Вера, накладывая себе фрукты.

Пашка в это время странно разглядывал моё платье, а потом хитро поиграл бровями:

— Ну, как ночь? Рассказывай.

— Плохо, — отрезала я, ставя чашку с нетронутым кофе на стол. — Я согнала его спать на пол. А в номере сломался кондиционер и устроил мне настоящую Антарктиду. Теперь этот горе-ловелас лежит в постели с температурой.

— Тогда почему ты его бросила одного? — внезапно посерьезнел Паша, отставляя тарелку. — Он теперь из-за тебя не сможет нормально работать, пока ты тут гуляешь и под жарким солнышком загораешь. У него вообще-то дела.

— А нечего было вваливаться в её номер без спроса! — тут же грозно прошипела Вера, защищая меня и пиная мужа под столом.

Я лишь молча смотрела на их очередную перепалку, чувствуя, как вина внутри разрастается с новой силой. Слова Паши про работу ударили по больному.

— Извините, — тихо проговорила я, поднимаясь из-за стола. — Погуляйте сегодня без меня, ладно? Голова раскалывается после вчерашнего бара.

И, не дожидаясь их дальнейших расспросов и уговоров, я быстрым шагом начала уходить из столовой.

— Секс — лучшее лекарство от головы! — на всю столовую оглушительно крикнул мне вдогонку Пашка.

Часть приличного народа за соседними столиками тут же синхронно обернулась в мою сторону. Я на ходу лишь яростно замахала на него руками, требуя, чтобы он немедленно замолчал и окончательно не позорил меня на весь курорт.

Я подбежала на ресепшен и обратилась к той же самой сотруднице:

— Девушка, пожалуйста, попросите кухню принести в мой номер что-то горячее. Куриный бульон или суп. Для человека с высокой температурой.

Администратор, видимо, сразу вспомнив меня и вчерашний грандиозный скандал с путаницей комнат, испуганно закусила губу.

— Прошу простить за вчерашний инцидент… — виновато начала тараторить она.

Я лишь устало махнула на неё рукой:

— Всё нормально, забудьте. Просто это мой бывший, ясно? Из-за вашей ошибки нам пришлось делить комнату.

Девушка тут же снова понимающе поджала губы и закивала:

— Я поняла. Всё сделаем в лучшем виде, суп сейчас поднимут.

— Спасибо.

Я развернулась и быстро зашагала к лифту.

«Сейчас я быстро подыму его на ноги, напою лекарствами, чтобы он из-за меня не сорвал сделки и не получил от Игоря по шее, — судорожно убеждала я сама себя, нажимая на кнопку нужного этажа. — Хотя мне вообще-то должно быть абсолютно плевать на него. Но это ведь не только его личный бизнес. Там, в Москве, в этой корпорации завязана ещё и моя мама. И подставлять её перед отчимом из-за наших личных разборок мне совершенно не хотелось. Да, я возвращаюсь исключительно ради мамы», — окончательно утвердила я эту ложь в своей голове.

Я вошла в номер. Этот упрямый дикарь так и лежал неподвижно посреди кровати, тяжело дыша. Я тут же подскочила к нему, присаживаясь на край матраса и снова касаясь ладонью его кожи. Мне показалось, что он стал ещё горячее, настоящий живой вулкан. Нет, ну как можно за одну короткую ночь так сильно заболеть? Ну что за мужчина! Внешне ведь такая огромная, непобедимая и сильная скала, а от одного сквозняка сломался.

— Тьфу на тебя, собака.

Я отыскала в тумбочке электронный градусник, аккуратно сунула ему подмышку, но Кирилл даже не пошевелился. Он лежал с закрытыми глазами и в полузабытьи что-то бессвязно бредил. Сквозь рваное дыхание до меня доносились обрывки фраз про какой-то день рождения, про то, что он безумно любит кого-то, и про то, что Максу он прямо сейчас за что-то хочет разбить лицо. Ну полный, абсолютный бред.

Спустя пятнадцать минут в номер настойчиво постучали — обслуживание номеров доставило целый поднос: горячий куриный суп, крепкий черный кофе и еще кучу всего для реанимации этого больного. Мне пришлось силой будить Кирилла, расталкивая его за плечи, от чего он лишь тяжело простонал, с трудом приоткрыв свои мутные глаза.

— Привет… — снова едва слышно проговорил он, сипло растягивая гласные.

Я лишь мученически закатила глаза к потолку, ставя поднос на прикроватную тумбочку.

— Привет. Есть пора, Чернов, давай приподнимайся.

Но этот упрямый дикарь лишь недовольно отвернулся, натягивая одеяло до ушей.

— Не хочу. Отвали, Ваниль.

Что значит — не хочу?! Я тут, понимаешь ли, скачу перед ним как горная коза, бросила друзей, прибежала, а он мне тут протесты устраивать будет? Ну уж нет.

— Давай, Чернов, вставай! — я яростно попыталась вырвать одеяло из его пальцев и хоть как-то приподнять его тушу на подушках. — У меня вообще-то сегодня грандиозное свидание запланировано, а ты мне тут все планы портишь, понял?! — в сердцах прошипела я на него, и эта новость, кажется, подействовала лучше любого жаропонижающего.

Кирилл резко приподнял голову от подушки, опасно сузив свои горящие в лихорадке глаза.

— Надеюсь, свидание со мной? — хрипло прочистил он горло. — Поэтому они испортилось?

— Ещё чего! Мечтать не вредно, — фыркнула я. — Просто из-за моих капризов ты всю ночь проспал на холодном полу, и я теперь не хочу, чтобы ты из-за болезни прогуливал свою важную работу. Мне маму подставлять перед Игорем не хочется, понял?

— Твоя мать со мной в одном отделе вообще-то не работает… — слабо попытался поумничать он.

— Заткнись и ешь, — прошипела я, нависая над ним и сердито суя ему в руки ложку.

— Покормишь? — внезапно эта наглая рожа, несмотря на температуру под сорок, умудрилась нахально растянуть губы в улыбке. — Меня знобит, Ксюш. Руки трясутся, я расплескаю весь суп.

— Ну ничего, помоешься потом, не сахарный, — буркнула я, но ложку из его ослабевших пальцев всё-таки забрала.

По итогу, спустя пять минут наших яростных препирательств, я сидела на краю матраса в своем шикарном платье и послушно кормила эту огромную простуженную скалу с ложечки, как маленького несносного ребёнка. По моему лицу в этот момент можно было наглядно изучать все стадии высшего раздражения — меня эта ситуация просто неописуемо бесила. А эта довольная морда сидела напротив, укутавшись в одеяло, и только свою пасть вовремя раскрывала, принимая еду и не сводя с меня торжествующего взгляда.

Дождавшись, пока тарелка опустеет, я со стуком ткнула ему в руку стакан с горячим кофе.

— На, держи! Задолбал уже, честное слово. Я тебе что, мамочка родная — с ложки тебя на курорте выкармливать? Дальше давай уже сам ешь и пей.

Я поднялась с кровати, чувствуя, как внутри всё клокочет от обиды и нерастраченной энергии.

— Такая прогулка шикарная сорвалась, господи… — мученически простонала я вслух, направляясь в сторону ванной комнаты и на ходу нервно расстегивая жемчужные пуговки платья на шее, чтобы хоть немного глотнуть прохладного воздуха. — Козлина ты, Чернов. Самый настоящий эгоистичный козёл.

Захлопнув за собой дверь ванной, я включила холодную воду, чтобы остудить горящие щеки.

Я смотрела на себя в зеркало ванной, и слабая улыбка сама собой растянулась на губах. Всё это до безумия напоминало наше прошлое. Вспомнилось, как он однажды умудрился заболеть сразу после новогодних праздников. Мы тогда точно так же валялись с ним вдвоем в постели, и он, укутанный в плед, то и дело хрипло шептал, что безумно любит меня. Повторял, что ему так сильно повезло встретить свою Ваниль.

Улыбка в один миг пропала с моего лица, а на глаза снова навернулись горячие, злые слезы. Стало так невыносимо, обидно и больно. Я в порыве злости со всей дури смахнула рукой стоящие на краю раковины пластиковые баночки с кремами, и они с оглушительным грохотом полетели на кафельный пол. Я лишь низко опустила голову, пряча лицо в ладонях.

В эту же секунду дверь ванной с грохотом распахнулась. Кирилл с абсолютно мутными глазами стоял на пороге, тяжело держась рукой за косяк, и переводил взгляд сначала на разбросанный пластик, а затем на меня.

— Ты чего? — хрипло, испуганно проговорил он, делая шаг вперед.

— Ничего! — тут же резко отозвалась я, выключая проточную воду и демонстративно отворачиваясь от него. Я присела на корточки, принимаясь нервно собирать баночки обратно. — Видишь, как здорово? Сразу на ноги поднялся. Болезнь как рукой сняло под шумок.

Кирилл, покачиваясь от слабости, тут же тяжело присел на корточки рядом со мной, пытаясь помогать собирать вещи с кафеля.

— А хнычешь-то чего тогда? Иди уже спокойно на свое свидание с Максом, раз так торопилась. Чего сопли тут пускать?

Я от такой наглости тут же резко вздернула голову, буравя его бешеным взглядом.

— Да пошёл ты, Чернов!

Я со всей дури бросила в его грудь одну из баночек. Кирилл, не думая ни секунды, поймал её и в ответ швырнул обратно в меня.

— Тупица! — яростно вскрикнула я, резко приподнимаясь на ноги, а он попытался встать следом за мной.

— Это я-то тупица?! — искренне возмутился он.

Но его тело от резкого маневра повело в сторону и он не нашел ничего лучше, кроме как ухватиться руками за мои плечи, чтобы удержать равновесие. В следующую секунду Кирилл с глухим стуком повалился обратно на задницу на кафельный пол и потянул меня следом за собой. Конечно, удержать его огромный вес я физически не смогла и с тихим писком с размаху плюхнулась прямо на него, оказываясь зажатой в его горячих руках.

— Это ты меня заставила всю ночь на ледяном полу спать, как изверг какой-то! — тяжело дыша мне прямо в губы, прорычал он. — Был бы на моем месте тут сейчас какой-нибудь другой кобель, ты бы его, наверное, хрен туда скинула!

— Да, Кирилл! — тут же взрывно возмутилась я, отчаянно вырываясь из его стальной хватки, но он упрямо удерживал мое лицо прямо у своего носа. — Был бы на твоем месте другой нормальный мужчина, я бы его ни за что не согнала на пол! Я ненавижу тебя так сильно, что ты себе даже представить в своей тупой башке не можешь!

— Я ни черта не сделал… — выстраданно, тихо проговорил он, и в его глазах мелькнула такая боль, что у меня на секунду перехватило дыхание.

— Да пошёл ты! — повторила я, изо всех сил оттолкнув его в грудь и кое-как поднимаясь на ноги. — Сам лечи свою простуду. И тебя вообще отныне не должно волновать, кто со мной рядом — Макс или кто-то другой! Забудь уже наконец всё, что между нами когда-то было, понял меня? Ошибка всё это. Одна чертова, огромная ошибка, братец! — зло прошипела я последнее слово.

Кирилл от этого «братца» окончательно замер на полу, словно его громом поразило. Он сидел, тяжело дыша, и буквально просверливал меня своим уничтожающим, потемневшим взглядом.

— Не делай сейчас того, о чём потом будешь горько жалеть, Ксения, — ледяным, предупреждающим тоном проговорил он снизу вверх.

— Да ты и без меня уже всё сделал, — горько бросила я.

Я резко развернулась, собираясь уйти в комнату.

— Ксюша! — донесся его надломленный голос мне в спину.

Но я просто с силой захлопнула дверь в ванную прямо перед его носом.

Я вышла из душной ванной, чувствуя, как внутри всё дрожит от пережитого шторма. Посмотрев на своё роскошное розовое платье, я поняла, что в таком взвинченном состоянии ни на какую прогулку не пойду. К чёрту. Я решительно переоделась в обычную, более простую

и удобную одежду: белый трикотажный топ-кроп, джинсовые шорты с высокой талией и легкую розовую оверсайз-рубашку. На руку нацепила часы, которые так и не забрала до этого с тумбочки, и принялась ожесточенно разбирать чемодан, чтобы хоть как-то занять дрожащие руки.

В этот момент на кровати настойчиво зазвонил мой телефон. Кирилл, тяжело дыша от жара, всё же плюхнулся обратно на подушки, полностью зарываясь лицом в матрас.

— Алё, привет, — резко отозвалась я, хватая трубку. — Всё отлично… Нет, я ещё нигде сегодня не была, — ответила я, когда Макс на том конце провода спросил, как началось моё утро и куда я уже успела сходить. — Нет, прости, сегодня никак не получится, — я сделала глубокий вдох, пытаясь говорить ровно. — Завтра? — я тут же мельком скосила взгляд на Кирилла, который даже не смотрел в мою сторону, упрямо уставившись в стену. — Да, завтра супер. Давай ближе к шести вечера? Как раз будет не так жарко. Нет, я сама подъеду по адресу. Да, Максим, я подъеду сама, не нужно меня забирать.

Стоило мне четко произнести имя Макса, как Кирилл тут же недовольно, резко вздернул голову от подушки, буравя меня своими потемневшими глазами.

— Пока, давай, — я поспешно скинула вызов и упрямо повернулась к шкафу, делая вид, что продолжаю перебирать вещи.

— Я не совсем понимаю… ты его невеста или нет? — хрипло, с явной издевкой проговорил Кирилл мне в спину. — Странные у вас какие-то отношения, тебе не кажется?

— У нас вообще нет никаких отношений, ясно тебе?! — тут же яростно возмутилась я, оборачиваясь к нему. — Надоел уже со своими допросами, ей-богу!

— Нет? Тогда какого хера было на банкете? Что это за цирк с поцелуями на глазах у всех?

— Тебе-то какая разница?! — окончательно сорвалась я на крик. — Пей свои лекарства, иди на работу, катись хоть куда-нибудь уже, только не мозоль мне глаза, ясно?! Тебя слишком много, Чернов, слишком много за эти несчастные дни!

— А тебя — слишком мало! — рявкнул он.

В ту же секунду Кирилл дернул меня за руку на себя. Я от неожиданности потеряла равновесие и с выдохом плашмя плюхнулась прямо на кровать. Он, несмотря на свою простуду, молниеносно навис сверху, блокируя меня своим телом и уверенно проводя горячей ладонью по моей обнаженной ноге, нагло забираясь пальцами под самый край шорт.

— Чертовски мало, Ксюша… — выдохнул он мне прямо в губы.

— Убери свои грабли, Кирилл! — тут же панически зашипела я, отчаянно пинаясь и изо всей силы отпихивая его грудь от себя. Но он только сильнее вжался в меня, лишая возможности сделать даже вдох.

— Однажды ты точно горько пожалеешь, что так и не стала меня тогда слушать! — прорычал он, удерживая мои запястья у подушки.

— Да я всё уже слышала, ясно тебе?! — закричала я, чувствуя, как к горлу подступают жгучие слезы. — Всё видела своими собственными глазами и всё слышала! Что ещё ты хочешь от меня получить, Кирилл?! Что я ещё, по-твоему, должна понять?!

— Я не трахал её, ясно?! — внезапно во весь голос заорал Кирилл, подскакивая на постели и отпуская мои руки. — Не трахал!

— Конечно! Она, наверное, просто так, ради развлечения скакала голышом на твоем члене! — тут же подскочила я следом, срывая голос на ультразвук. — Ты думаешь, я слепая была тогда на той квартире, или что?!

— Да у меня в тот момент даже не встал, понимаешь ты своим глупым мозгом или нет?! — бешено заорал он в ответ, и его лицо пошло красными пятнами от ярости и лихорадки. — Я вообще был никакой! Меня срубило с одного бокала виски, я не помню, как меня раздевали!

— Я тебе не верю, ясно?! Не верю ни единому твоему лживому слову! — слезы уже вовсю душили меня, мешая говорить. — Я видела всё, что там происходило… И Максим… — я тут же осеклась на полуслове, прикусив язык и понимая, что сболтнула лишнего.

Кирилл в секунду изменился в лице. Его глаза опасно сузились.

— Когда ты ушла из той комнаты… ты думаешь, я остался и трахал её дальше, не так ли? Это он… это Макс тебе такое сказал?! — взрывно возмутился он, подаваясь вперед.

— Какая разница, кто это сказал! — выкрикнула я, задыхаясь от боли.

— Да я ничего не делал! — снова оглушительно заорал Чернов, в отчаянии хватаясь за голову. — Как… как ты понять-то не можешь, Ваниль?! Чем я, блять, должен это доказать тебе спустя три года?! Какими словами?!

— Просто уйди из моей жизни, ясно?! — крикнула я в полном, абсолютном отчаянии, чувствуя, как мир вокруг рушится во второй раз. — Навсегда уйди! Оставь меня в покое!

Слёзы окончательно запеленали мне глаза. Я, больше не говоря ни слова, медленно сделала от него один попятный шаг. Потом другой, пятясь к выходу из спальни.

— Ксюша… — тут же тише, с какой-то надломленной мольбой проговорил он, протягивая ко мне руку. — Прости, ладно? Прости меня, сорвался… Но я правда не делал этого. Ксюш, останься.

— Просто уйди… — едва слышно прошептала я, глотая слезы.

Развернувшись на пятках, я вылетела вон из номера, громко хлопнув дверью. Я бежала по длинному коридору отеля, оставив в комнате все свои разобранные вещи, ключи, документы и всё остальное. Мне нужно было просто бежать, раствориться в этом чужом курортном городе, чтобы не слышать его хриплый голос, который с каждым словом выжигал мою и без того израненную душу.

Глава 15

Кирилл

Как только за Ксюшей с грохотом захлопнулась дверь номера, я просто в щепки разнёс половину комнаты. Прикроватный торшер с треском полетел в стену, тяжелое кресло перевернулось от моего пинка, а пустой стакан из-под воды разлетелся на миллионы мелких осколков по полу. Я не знаю, с каких именно пор стал таким бешено вспыльчивым и неуправляемым, но сдерживать этого зверя внутри больше не было никаких сил.

Она была напугана, когда я сорвался и прикрикнул на неё. Но я просто уже, правда, не знал, какими словами донести до человека, что я ни в чём не виноват! Да, возможно, если бы я сам тогда три года назад зашел в комнату и увидел, как кто-то чужой трётся на ней голышом, пока она лежит в невменяемом состоянии… то, наверное, я бы тоже безоговорочно поверил в эту грязную картинку. Всё это со стороны выглядело реально и похоже на правду. Но я этого не делал!

Я со стоном бессилия опустился на край матраса, схватился за голову и стал тянуть свои волосы до физической боли, пытаясь отрезвить раскалывающийся от жара мозг. Я терял её. Терял окончательно и бесповоротно, чувствуя, как она ускользает сквозь пальцы. Но я не хотел её отпускать. Не мог. Я три года не мог трахать другую бабу, не мог даже смотреть на остальных, бредя только одной своей Ванилью. А теперь, после всего, что случилось за эти дни, после всех её признаний… Да, она была абсолютно не в себе, но я слишком хорошо знал, что именно в таком состоянии Ксюха всегда говорила чистую, неприкрытую правду. Она любит меня. До сих пор любит. И я просто обязан вернуть её себе. Вернуть то сумасшедшее, хрупкое доверие, которое когда-то было между нами.

Кое-как взяв себя в руки, я быстро собрал разбросанные по комнате шмотки, запихал их обратно в дорожную сумку и закинул в рот ещё несколько сильных таблеток от головы, чтобы окончательно не свалиться в лихорадке. Подхватив с комода второй электронный ключ, который Ксюша в панике оставила на столе, я решительным шагом направился к номеру Веры.

Платонова открыла дверь почти сразу. Увидев меня на пороге с сумкой в руках, она протянула ладонь и забрала у меня пластиковую карту.

— Номер Ксюши полностью свободен, — проговорил я, заставляя свой голос звучать ровно.

Вера сначала смерила меня каким-то злым, обвиняющим взглядом, но, внимательно вглядевшись в моё осунувшееся, бледное лицо, лишь сочувственно поджала губы. Она явно хотела что-то спросить, уже открыла рот, но я на корню пресек любые расспросы, смерив её тяжелым, злым взглядом из-под нависших бровей.

— Я ни хера тогда не делал, поняла?! — прорычал я, сжимая кулаки. — Я не изменял ей.

— Тогда докажи это, Чернов! — неожиданно смело прошипела Вера, моментально сокращая между нами расстояние и заглядывая мне прямо в глаза.

— Да что я, блять, должен сделать, если она меня даже слушать не хочет?! Она вообще меня не слышит! — в полном отчаянии рявкнул я на весь пустой коридор отеля.

— Уверена, ты сам прекрасно знаешь, что делать, — Верка скрестила руки на груди, и её тон стал серьезным. — Ты ведь знаешь её лучше всех, Кирилл. Знаешь абсолютно все её слабости, все её триггеры. Ты точно найдешь эту скрытую кнопку в её голове, если захочешь. Просто для этого нужно иметь грёбаное терпение. Понял? А теперь мне пора.

И с этими словами она резко развернулась, ушла обратно в комнату и с сухим щелчком захлопнула дверь прямо перед моим носом.

— Умные какие все стали, просто пиздец… — яростно прорычал я сквозь зубы, с силой поправляя лямку тяжелой сумки на плече и разворачиваясь к лифтам. — До тошноты все

вокруг умные и рассудительные. Один я, как последний идиот, стою тут и понятия не имею, как спасти свою жизнь.

Но Вера была права. Я знал её до единой трещинки на холсте. И если для того, чтобы вернуть Ваниль, мне придется сломать её новую фальшивую жизнь и перевернуть этот город вверх дном — я сделаю это без единой секунды сомнений.

Мне пришлось снять другой отель, выбрав тот, который находился совсем неподалеку, буквально в паре кварталов. Сразу же после заселения я вызвал своих парней из службы безопасности, которые прилетели вместе со мной из Москвы на частном джете. Я собрал их в номере, швырнул сумку на кресло и отдал четкий, жесткий приказ: незаметно следить за Ванилью. Докладывать поминутно, где она бродит, куда ходит и, самое главное, с кем именно она проводит время.

Да, я прекрасно понимал, что это неправильно. Это вообще ни разу не про доверие. Но сейчас речь шла исключительно о её безопасности и о моем личном, сука, спокойствии. Я больше не собирался упускать её из виду ни на секунду, пока эта платиновая дурочка не натворила новых глупостей.

А также я попросил парней оперативно разузнать, где припарковал свою наглую задницу Макс Воронов. Мне нужно было точно знать, какого хера он вообще приехал сюда, в Дубай. У него ведь, как и у меня, изначально не было здесь ни черта — ни официальных филиалов строительной фирмы, ни личных офисов. Вся эта его болтовня про проверку работников в эмиратах была сплошным, шитым белыми нитками враньем. Этот кудрявый ублюдок прилетел вслед за Ксюшей, преследуя какую-то свою грязную выгоду, и я намеревался выяснить его истинные мотивы до того, как наступит вечер среды.

Ребята молча кивнули и бесшумными тенями вышли из номера выполнять поручение. Я остался один, подошел к панорамному окну, за которым раскинулся раскаленный, залитый сумасшедшим солнцем Дубай, и до боли сжал кулаки.

Глава 16

Ксюша

Мы вошли с Верой в мой номер, и она всю дорогу до этого бубнила мне над ухом, какая я дура, раз так глупо сбежала в одних шортах и без документов. Но стоило нам переступить порог апартаментов, как мы обе одновременно замерли.

— Тебя что, ограбили? — Верка в полном шоке выгнула бровь, оглядывая царивший вокруг бардак.

В горле мгновенно встал тяжелый ком. Опрокинутое кресло, разорванная простыня на постели, поваленный торшер.

— Что он здесь вообще натворил… — едва слышно, со злостью прошипела я, заходя внутрь, и только сейчас замечая на полу мелкие, редкие капли крови и вдребезги разбитое ростовое зеркало у стены.

Видимо, разбил кулак в кровь, когда с треснул по зеркальному стеклу.

В этот самый момент в комнату вошла женщина для уборки из обслуживающего персонала отеля.

— Прошу простить, задержалась в другой комнате, — вежливо проговорила она, растерянно переминаясь с ноги на ногу с тележкой. — Мне на ресепшене сказали, что в этом номере нужно срочно прибрать.

Она сделала шаг вперед, встала, шокировано разглядывая это погромное зрелище, и всплеснула руками:

— Боже мой…

— Ничего здесь убирать не нужно, — строгим голосом проговорила я. — Вы можете идти.

— Как это — «ничего не нужно»? — искренне отозвалась женщина, недоуменно косясь на разбросанные вещи. — Здесь же кошмар.

— Я сама всё уберу, — твердо проговорила я, чеканя каждое слово. — Пожалуйста, идите.

Горничная лишь растерянно кивнула, попятилась назад и вышла в коридор, плотно закрыв за собой дверь. Вера тяжело вздохнула, прислонившись спиной к косяку, и устало посмотрела на меня:

— Вы оба за эти года стали законченными идиотами, Ксюх. Я, конечно, всегда знала, что Кирилл тот ещё дебил… но мне кажется, что раньше он всё-таки не был таким диким и неуправляемым. Что-то его конкретно доканало.

— И ты тоже иди, — тихо проговорила я Вере, упрямо не глядя на неё и начиная поднимать с пола свои разбросанные футболки.

— Ксюш… — тут же с прискорбием проговорила она, делая шаг ко мне и пытаясь обнять за плечи.

— Иди, Вер. Я всё равно сегодня больше никуда гулять не собиралась. Голова раскалывается. И вообще… не доверяю я этим местным уборщицам, — на ходу соврала я, лишь бы она поскорее оставила меня одну в этом разрушенном пространстве.

Подруга ушла, тихо прикрыв за собой дверь. А я, как только осталась в одиночестве, просто бессильно села на край кровати и навзрыд разрыдалась. Меня душили злые слезы. Зачем он приехал? Зачем ломает меня снова?

Немного успокоившись, я вытерла лицо ладонью, сфоткала на камеру телефона разгромленный номер и отправила Кириллу СМС. Я наизусть знала его мобильный номер и прекрасно знала, что он его не менял ни разу за эти три года.

Ксюша:«*Вернись немедленно и убери весь свой чертов бардак.*»

Но ни через час, ни через два никакого ответа от него так и не последовало. Мой экран упрямо молчал. Конечно же, в итоге я сама всё это убрала. Молча собрала осколки стекла, намыла полы, подняла кресло и поставила все вещи ровно так, как оно и было изначально до его прихода.

Но внутри, в самой глубине груди, остался тяжелый, липкий осадок злости и грусти. Я ходила по чистой комнате, переворачивала свои израненные мысли, и никак не могла успокоиться.

«Может… может, он действительно не врёт? — внезапно испуганно подумала я, замирая посреди спальни. — Что вообще его так сильно взбесило до кровавых кулаков и разбитых зеркал? То, что я ему не верю после всего пережитого… или то, что у него просто никак не получается снова меня обмануть?»

Весь оставшийся день я оставалась в номере. Ела заказанную прямо в комнату пиццу, бездумно листала бесконечную новостную ленту и соцсети, пытаясь заглушить ноющий стук в висках. Но отвлечься от мыслей о Кирилле и его разбитом кулаке не получалось, пока телефон снова не ожил от каскада уведомлений.

Я открыла историю в профиле подруги и прыснула. Верка с Пашкой вовсю отжигали под открытым небом на какой-то пляжной вечеринке с местными ребятами. На первом фото этот придурок Паша с абсолютно серьезным лицом умудрился засунуть себе в обе ноздри по огромной фисташке, изображая моржа. Я сквозь подступающие слезы громко рассмеялась, качая головой, и тут же поставила лайк.

Следом Вера прислала мне уже в личные сообщения следующее фото. На снимке Пашка сидел за барной стойкой, уныло подперев голову кулаком, а подпись гласила:

Верчик:*«Мой дурак искренне тоскует по твоей светлой макушке. Ксюх, если ты сейчас же не вытащишь свою красивую задницу из номера и не придешь к нам, он от тоски в одиночку выпьет весь этот пляжный бар и сто процентов нарыгает мне ночью в комнате. Спасай!»*

Я тут же рассмеялась еще больше, чувствуя, как тяжелая душная пелена в груди наконец-то начинает рассеиваться. Долой глупую грусть, в конце концов, я в долгожданном отпуске!

Ксюша:*«30 минут, и я на месте. Скидывайте адрес.»*

Локация прилетела на экран телефона сразу же. Я подскачила с кровати, подбежала к зеркалу и быстро нанесла свежий блеск на губы.

Я подхватила маленькую сумочку и бегом направилась к лифтам, звонко цокая каблучками открытых босоножек по плитке отельного коридора. Выскочив на залитую неоном вечернюю улицу, я поймала первое же свободное такси и, назвав водителю адрес пляжного клуба, попросила довезти меня как можно быстрее. Мне необходимо было раствориться в шуме музыки и смехе друзей.

Такси затормозило у неоновой вывески пляжного клуба, и до меня донеслись басы зажигательной музыки, смешивающиеся с шумом волн. Пляж буквально кипел жизнью: повсюду горели факелы, на песке танцевали сотни людей, а в воздухе пахло коктейлями и кальяном. Найти моих придурков среди этой толпы не составило труда — Пашкин зычный хохот было слышно, кажется, за километр.

Встретили они меня просто эпично. Едва я успела ступить на мягкий песок, как Пашка с разбегу подхватил меня на руки, закружив в воздухе, и на весь пляж оглушительно заорал:

— Ура-а-а! Приехала главная страдалица Дубаев! Парни, налейте ей виски, она наконец-то вышла в свет!

Верка рядом вовсю хохотала, держась за живот от его перформанса.

— Эй! Отпусти меня, придурок, я вообще-то не твоя жена! — со смехом кричала я, болтая ногами в воздухе, пока он целеустремленно тащил меня поближе к бару.

— Очень жаль, Ксюх! Было бы у меня две красивые жены! — весело отозвался Пашка, опуская меня на высокий барный стул.

Верка от такой наглости загоготала ещё сильнее, шутливо шлепнув мужа по затылку:

— Тебя на одну-то едва хватает, двоеженец несчастный! Поверь мне, у неё запросы до самого неба!

— Это точно, — Пашка потер шею и заржал, заказывая нам три шота. — Тут я не спорю.

Вечеринка покатилась по наклонной в самом лучшем смысле этого слова. Мы пили легкие тропические коктейли, танцевали прямо на песке, скинув обувь, подпевали какому-то заграничному треку и просто безумно дурачились. Спустя час к нашему столику подкатила веселая компания ребят — они тоже оказались туристами из нашей столицы, и мы мгновенно нашли общий язык. Мы стали гулять уже огромной толпой, наперебой рассказывая смешные истории. Новые знакомые, узнав, что я художник, наперебой стали подкидывать мне бредовые идеи для будущих холстов, а один парень в разгар спора чуть реально задницу свою не показал, чтобы доказать правоту, из-за чего Верка чуть не поперхнулась коктейлем. Я так давно и искренне не смеялась, что у меня под конец вечера даже щёки заболели от улыбок.

Ближе к полуночи алкоголь в крови окончательно расслабил тело, и я решила ненадолго отделиться от нашей шумной компании, чтобы сходить в уборную. На самом пляже выстроилась огромная очередь, поэтому я обула свои босоножки и пошла в небольшое цивильное кафе через дорогу. Цокая каблуками по асфальту, я чувствовала, как меня слегка покачивает из стороны в сторону, но я всё равно довольно ловко лавировала на своих шпильках, удерживая равновесие.

— Эй, красавица! — внезапно раздался из темноты чей-то наглый, развязный голос.

Я остановилась, пытаясь сфокусировать затуманенный взгляд. Судя по специфическому акценту и мату, это были наши соотечественники, изрядно перебравшие. Навстречу мне из тени деревьев вышли трое парней.

— Куда так спешишь, куколка? Почему одна в такой поздний час? — проговорил другой, плотоядно разглядывая меня.

Внутри испуганно екнуло. Переулок был темным, а до оживленного пляжа было не докричаться из-за грохота музыки.

— Простите, мальчики, мне очень нужно туда, — я заставила себя неестественно усмехнуться, пытаясь обойти их по дуге и направиться дальше к ярко освещенному кафе.

Но сделать шаг мне не дали. Один из них, самый высокий, ловко перехватил меня за руку, а третий резко и грубо дернул за талию, прижимая к себе.

— Да ладно тебе, брось ломаться. С нами будет гораздо интереснее, чем в твоем кафе, — выдохнул он мне в шею.

— Эй! Отвали от меня! Пусти! — со страхом в голосе запротестовала я, упираясь ладонями в его рубашку.

Они, не обращая внимания на мои приглушенные крики, нагло поволокли меня вглубь темного безлюдного переулка. Паника накрыла с головой. Я открыла рот, чтобы закричать изо всех сил, зовя Пашу, а потом буквально лишилась дара речи.

Один из парней, который держал меня за руку, внезапно с глухим стоном рухнул лицом прямо мне под ноги, мгновенно вырубившись.

Я испуганно пискнула, отскакивая назад. Мужики ошарашенно обернулись, отпуская мою талию, но не успели они сделать и вдоха, как следующий парень получил мощный удар в челюсть и с размаху полетел на асфальт, растянувшись без сознания. Третий, который секунду назад хватал меня за юбку, успел только испуганно махнуть рукой в темноту, но тут же получил жесткий хук под дых, согнулся пополам и тоже мешком повалился на землю.

Всё закончилось буквально за пять секунд. В тусклом свете уличного фонаря над тремя стонущими телами выросла огромная, монолитная фигура в строгом костюме.

— Роман?! — я ошарашенно проморгалась, во все глаза разглядывая старшего охранника Кирилла перед собой.

Мужчина спокойно поправил манжеты своего пиджака, поправил прозрачный проводок наушника в ухе и повернулся ко мне. На его суровом лице не дрогнул ни один мускул.

— Прошу простить, Ксения Валерьевна. У нас на выходе из клуба была небольшая пересменка с напарником, — строго проговорил он своим глухим, раскатистым басом. — Немного упустили вас из виду на перекрестке. Вы… очень шустрая женщина, трудно уследить.

Я стояла как глупая, часто моргая и пытаясь переварить увиденное безумие. Какого хера здесь происходит?!

— Ты… ты что здесь вообще делаешь, Рома? — заикаясь, проговорила я.

— Выполняю свою работу, — ровно и бесстрастно отозвался он, словно это не он сейчас раскидал троих бугаев. — Моя задача — ваша безопасность. Прошу вас, пройдёмте обратно к вашим друзьям на пляж.

— Мне надо… — я растерянно указала пальцем в сторону вывески кафе через дорогу. — Пять минут, пожалуйста. Мне правда нужно в дамскую комнату.

Роман мельком оценил обстановку вокруг, занял позицию у входа в переулок и лишь коротко, уважительно кивнул:

— Хорошо. Пять минут. Я жду вас здесь, на этой стороне. Пожалуйста, не задерживайтесь.

Я на неслушающихся ногах быстро заковыляла через дорогу, чувствуя, как внутри всё переворачивается. Кирилл что выставил за мной круглосуточную охрану?

Глава 17

Роман спокойно стоял посреди темного переулка, бесстрастно наблюдая сверху вниз за тремя стонущими телами, которые медленно и болезненно начинали приходить в себя на асфальте. Избирательные, жесткие удары профессионала сделали свое дело — парни держались за челюсти и животы, даже не пытаясь подняться. В этот момент в правом ухе начальника охраны раздался резкий, требовательный шум, сменившийся вибрирующим сигналом прямой связи.

Роман коснулся пальцем прозрачного проводка и ответил, как всегда, ровно, строго по уставу:

— Всё под контролем. Небольшая потасовка на периметре.

— Где Ксения? — тут же донесся из динамика тяжелый голос Кирилла. Звук его дыхания выдавал крайнюю степень нервного напряжения.

— Под наблюдением, — отозвался Роман привычным, сухим тоном, сверяясь по регламенту безопасности.

— Рома, я тебе чё, идиот, блять?! — тут же яростно рявкнул Кирилл на том конце провода, окончательно теряя терпение от этой служебной субординации. — Нормально объясни мне всё, без этого твоего казенного дерьма, ясно?! Я тебя по-человечески спрашиваю: что там за хрень у вас происходит?

Роман тяжело выдохнул, понимая, что в таком состоянии босса обычные инструкции не успокоят, и заговорил уже как обычный человек, без протокольных фраз:

— Три местных кадра из наших соотечественников перебрали с алкоголем. Попытались затащить Ксению Валерьевну в подворотню. Пришлось кое-кого из них слегка разукрасить из-за того, что позволили себе лишнего в её адрес. Она не пострадала. Сейчас находится в заведении через дорогу.

На том конце линии повисла тишина. Было слышно, как Кирилл судорожно, со свистом втянул в себя воздух, справляясь со вспышкой ярости, а затем не терпящим возражений тоном приказал:

— Вези её ко мне. Немедленно. И всех остальных тоже.

Под «остальными» Чернов-младший, разумеется, имел в виду Пашку и Веру, оставлять которых в гуще дубайских ночных развлечений он теперь не собирался.

— Будет сделано, — коротко ответил Роман.

Он нажал кнопку отбоя и сделал едва заметный знак рукой двум своим напарникам, дежурившим в тени у входа на пляж. Получив приказ, оперативники бесшумными тенями целенаправленно направились в сторону шумно гудящей компании ребят, где Пашка как раз пытался заказать очередной раунд шотов.

Ксюша вышла из дверей освещенного кафе минуты через четыре. Алкоголь из неё, судя по испуганному взгляду, выветрился окончательно. Роман плавно сократил до неё расстояние и, вежливо открыв дверцу представительского черного минивэна, который к этому моменту уже вовремя подогнали прямо к бордюру, попросил:

— Ксения Валерьевна, пожалуйста, присаживайтесь в машину. Мы уезжаем.

Не успела она толком возмутиться, как из открытых тонированных окон и верхнего люка автомобиля с дикими криками показались растрепанные и уже изрядно веселые молодожены. Пашка вовсю размахивал какой-то пляжной шляпой, а Верка, перекрикивая басы, восторженно орала на всю улицу, что они едут кутить дальше.

Роман лишь обреченно покачал головой, сохраняя каменное выражение лица, а Ксюша от такого зрелища немного растерянно поморгала, переводя взгляд с довольных друзей на суро-

вого охранника. Сопротивляться этой принудительной эвакуации было бесполезно. Шумно вздохнув, она всё же послушно села в прохладный салон.

Оба охранника сидели впереди, храня профессиональное молчание, и лишь изредка красноречиво переглядывались. Позади них Верка с Пашкой вовсю праздновали жизнь, в два горла распивая прямо из горлышка бутылку, купленную под видом элитного местного вина.

Ксюша сидела на самом краю кожаного сиденья, прижавшись к стеклу. Она всё ещё немного отходила от шока, отчетливо понимая, что именно могло произойти с ней в том темном переулке, если бы не вовремя подоспевший Роман. Кажется, ей уже было вообще не весело.

— У вас всё нормально? — негромко повернулся к ней водитель, но Ксюша услышала его далеко не сразу, продолжая бездумно смотреть в темное окно на мелькающие огни. — Ксения Валерь…

Он не договорил, как она резко вздрогнула, возвращаясь в реальность.

— Да, да, всё хорошо, — тут же попыталась она проговорить как можно громче, пока Верка с Пашкой на заднем ряду шумно обнимались и фальшиво затягивали какую-то пляжную песню.

— Можем заехать по дороге за кофе, если хотите, — тактично предложил мужчина.

— Нет, спасибо. Просто отвезите меня обратно в мой номер, — проговорила она, мечтая о тишине.

Охранники на передних сидениях снова быстро переглянулись. Роман едва заметно покачал водителю головой, на что тот понимающе кивнул и молча прибавил газу. Четкий приказ был один — доставить всю компанию прямиком к Чернову. Ослушаться этого требования они не могли при всём желании. Приказ есть приказ, и это была совершенно не их забота, какой скандал разразится дальше.

По итогу долгой дороги убаюканные движением Верка и Пашка наконец-то дружно уснули, уткнувшись друг в друга. А следом за ними, не выдержав стресса, незаметно для самой себя уснула и Ксюша, свернувшись калачиком в своем легком кардигане.

Когда минивэн плавно затормозил на закрытой частной парковке, их уже лично встречал Кирилл. Он в одной футболке нервно курил, меряя шагами асфальт. Он за пару часов снял огромную, охраняемую виллу прямо на берегу океана.

Роман тяжело вышел из машины и тоже первым делом нервно закурил, выпуская дым в ночное небо.

— В чем дело? Что так долго? — нервно проговорил Кирилл, бросая быстрый взгляд на темные стекла тачки.

— Спят, — коротко отозвался Роман, устало потирая переносицу. — Пока доехали, я там чуть не оглох от их концертов.

Кирилл от такой картины лишь коротко, хмуро усмехнулся, откидывая сигарету.

— Кирилл Игоревич, вы уверены, что всё это — хорошая идея? — негромко поинтересовался Роман, с долей сомнения глядя на своего молодого босса. — Она ведь проснётся...

— Да мне насрать, какая это идея, Ром, — абсолютно искренне, по-человечески ответил Кирилл, ломая свою привычную стальную маску начальника. — Ничего. Прокричится утром — и успокоится. Главное, что она теперь здесь.

Он быстрым шагом подошел к минивэну, осторожно потянул за ручку и открыл дверь, впуская в салон ночную прохладу. Кирилл аккуратно наклонился внутрь, бережно, словно хрустальную вазу, подхватил спящую Ксюшу на руки и окуратно прижал к своей груди, унося её в сторону освещенного входа виллы. На ходу он мельком обернулся к подчиненным и кивнул на задний ряд:

— Девчонку и этого орла в дом занесите, растормошите там как-нибудь, пусть в гостевых комнатах ложатся.

Роман лишь молча кивнул, выбрасывая сигарету и принимаясь за эвакуацию спящих Игнатьевых.

Глава 18

Кирилл

Я бережно занес её на руках в просторную спальню, которую заранее оборудовал под себя на этой вилле. Осторожно уложил Ксюшу на уже расстеленную кровать с белоснежным бельем и первым делом аккуратно снял с её ног эти чертовы босоножки, отшвырнув их в сторону. Оглядел её с ног до головы в тусклом свете ночника и тяжело вздохнул. В этой обтягивающей, уличной одежде спать ей ночью точно будет неудобно.

— Ваниль… — я легонько потормошил её за плечо, пытаясь хоть немного оклиматься.

Но Ксюха во сне лишь недовольно махнула рукой, едва не зарядив мне со всей дури прямо по роже — я только в самую последнюю долю секунды успел вовремя отстраниться назад, уворачиваясь от удара.

— Тебе нужно переодеться, — тихо проговорил я, снова склоняясь к её уху и целуя нежную кожу прямо за ушком. — Давай, милая, надо переодеться.

Но та в ответ лишь тихо что-то промычала и упрямо перевернулась на другой бок, ещё сильнее утыкаясь носом в подушку.

— Ну уж нет, прости, но в таком виде ты у меня спать не будешь, — усмехнулся я.

Я аккуратно приподнял её и первым делом стянул с её плеч легкий кардиган. Потом осторожно нащупал тонкую молнию, расстегнул розовую джинсовую юбку и стал медленно стягивать её вниз по гладким бедрам.

— Зачем ты вообще натягиваешь на себя эту ткань, которая ни черта толком не прикрывает? — недовольно прошипел я под нос, откладывая юбку на кресло.

А вот с верхом нарисовалась серьезная проблема. Если снизу на ней хотя бы осталось её белье, хоть оно и состояло, мягко говоря, из слишком малого количества ткани, от вида которой я даже тяжело сглотнул, усмиряя мгновенно вскипевшую кровь, то сверху на ней был только короткий белый топ. Если его снять полностью, то она останется абсолютно голой. Ладно, поступим по-другому.

Я быстро дошагал до шкафа, достал оттуда свою чистую, огромную черную футболку и вернулся к кровати. Кое-как натянул её на Ксюшу сверху через голову — она лишь послушно, забавно во сне просовывала свои руки в широкие рукава. А после я аккуратно забрался ладонями под ткань своей же футболки, осторожно развязал стягивающий розовый бантик на её груди и аккуратно стащил этот чертов топ через низ, освобождая её тело.

— Во. Вот так-то лучше, — удовлетворенно отозвался я, откладывая её вещи в сторону.

После всех этих текстильных махинаций я поправил ей взбитую подушку, уложил поудобнее и укрыл до самого подбородка теплым одеялом. Посидел рядом на краю матраса ещё минут десять, бездумно любуясь её спокойным, спящим лицом, а потом снова не удержался — наклонился и нежно поцеловал её в шею, вдыхая родной запах.

— Прости за погром, — тихо проговорил я в темноту комнаты, вспоминая разбитое вдребезги зеркало в отеле. — Взорвался. Не сдержался.

Я аккуратно убрал выбившийся локон с её лица, в последний раз окинул её взглядом и наконец оставил одну, тихо прикрыв дверь спальни.

Направляясь вниз по лестнице, я хотел проверить, как там разместились остальные. Веру парни уже аккуратно отнесли в дальнюю гостевую комнату, где она мирно спала без задних ног. А вот Пашка, вопреки моим ожиданиям, всё-таки умудрился по дороге окончательно растормошиться. Он сидел на просторной кухне у барной стойки, подперев голову руками, и медленно, мелкими глотками пил горячий черный кофе, который ему предусмотрительно сварил Роман. Увидев меня, Игнатьев тяжело вздохнул и криво ухмыльнулся.

— Заранее всё продумал? — хмуро проговорил он, когда я подошел ближе.

Паша протянул руку, и мы крепко обменялись рукопожатием.

— Спонтанно, — честно отозвался я, усаживаясь на соседний барный стул и устало потирая переносицу.

— Утром будет настоящий кошмар, — покачал он головой. И, несмотря на свой помятый и заспанный вид, Игнатьев сейчас выглядел предельно серьёзным.

— Знаю, — коротко проговорил я, глядя в окно, за которым шумел ночной океан.

— Расскажешь? — отозвался он снова, делая небольшой глоток из своей чашки с кофе.

— А есть в этом вообще хоть какой-то смысл, Паш? — горько проговорил я, крутя в пальцах зажигалку. — Всё уже решено и разбито.

— Думаю, тебе станет намного легче, если кто-то наконец тебя выслушает как надо, — Паша внимательно посмотрел на меня, прищурившись. — А то ты, уверен, заладил и рассказываешь всем подряд только одно: «Я её не трахал», — смешно передразнил он меня, пытаясь изобразить мой грозный бас. — Расскажи нормально, как всё было на самом деле.

Я лишь тяжело вздохнул, сдаваясь под его напором, достал сигарету и снова закурил прямо посреди просторной светлой кухни, глубоко затягиваясь едким дымом. А потом начал говорить. Рассказал ему всё от самого начала и до финального конца. О своих грандиозных планах на ту ночь, о том, как хвастался перед пацанами бархатной коробочкой с бриллиантовым кольцом, и о том, как внезапно припёрлись девчонки во главе с Камилой. Рассказал, как искренне помирился с Максом на балконе, зарыв топор войны, и как Воронов уговорил меня выпить злосчастный бокал виски «за днюху».

— А дальше… дальше темнота. Помню только, как открывается дверь, на пороге стоит Ксюша, а эта швабра Камила сидит на мне сверху, — закончил я, туша бычок о край блюдца.

— То есть… всё произошло без стояка? Напрямую спрашиваю, — по-мужски, без лишней скромности уточнил Паша, в упор глядя на меня.

— Ты чё, издеваешься сейчас, что ли?! — яростно шикнул я на него, чувствуя, как кулаки снова чешутся до боли.

Игнатьев тут же примирительно поднял ладони вверх, останавливая мою агрессию:

— Да подожди ты беситься, Кир. Это же, блять, всё кардинально объясняет, не так ли? Простое трение — это ни разу не измена. Тем более когда ты находился в беспомощном ауте. Уверен, что сам тогда не разделся?

— Абсолютно уверен, — жестко шикнул я, опасно сузив глаза. — Я же тебе, придурку, русским языком сказал: я только Ксюху одну люблю и три года ни к кому не прикасался. Чё ты доебался до меня?

— И она, конечно же, тебе до сих пор ни хера не верит? — Паша криво ухмыльнулся, качая головой.

— Блять, Игнатьев, я сейчас не посмотрю, что ты гость, и реально разобью тебе рожу, — совершенно спокойно, но с отчетливой угрозой проговорил я, подаваясь всем корпусом в его сторону.

Пашка от моей грозной мины ни капли не испугался, а лишь снова громко, раскатисто заржал на всю тихую кухню виллы, хлопая ладонью по стойке.

— Ладно, ладно, остынь, Ромео, — отсмеявшись, выдал он, забирая пустую чашку. — По крайней мере, теперь я точно знаю, что ты чист перед ней. А с её упрямой башкой мы утром что-нибудь придумаем.

— У меня нет никаких гребаных доказательств, — тихо отозвался я, сжимая челюсти и упрямо глядя на свои разбитые костяшки. — Ни одного свидетеля. Ничего. Только мои слова против того, что она увидела. И этот урод Макс… он ведь, судя по всему, ещё и наплел ей, что как только она в панике убежала из той квартиры, что я остался и дальше трахал Камилу. Ну, или тонко намекнул на это. Понимаешь, какая гниль? Добил её, чтобы наверняка.

— Сволочь дрянная, — злобно отозвался Пашка, и его лицо мгновенно помрачнело. Он со стуком поставил пустую чашку на стойку и решительно хлопнул ладонью по столу: — Ладно!

— Да тише ты, придурок! — шикнул я на него, косясь на лестницу, ведущую наверх.

Игнатьев в ответ лишь тихо заржал, убавляя звук.

— Давай спать. Утром обо всем подумаем, а то у меня сейчас тоже в башке каша, ни черта не соображаю. Хотя, может, это… — он вдруг резко замер у самой лестницы наверх, хитро прищурившись: — Может, просто трахнешь её хорошенько, и она сразу растает?

Я лишь безнадежно зажал пальцами переносицу, чувствуя, как раскалывается голова от жара.

— Иди спи уже, — отозвался я.

Говорить ему о том, что всё это уже благополучно случилось в Питере и ни хрена нам в итоге не помогло, я, разумеется, не стал. Не его это дело.

Пашка молча ушел в сторону гостевого крыла. Я сам неторопливо попил ледяной воды из стакана, остужая горящее горло, выключил свет на кухне и тихой тенью вернулся в свою спальню.

Ксюха за это время уже успела по-хозяйски развалиться по диагонали на всю огромную кровать, бесцеремонно подмяв под себя одеяло. Я лишь невольно усмехнулся, глядя на неё и вспоминая наши былые счастливые дни. Надо же, такая мелкая и хрупкая девчонка, а умудряется в одиночку занять абсолютно всё свободное пространство на матрасе.

Я быстро скинул с себя джинсы, оставаясь в одном нижнем белье, и максимально аккуратно, стараясь не разбудить её, пододвинул её бедро и протиснулся на постель рядом. Стоило мне лечь и накрыть нас одеялом, как Ксюшка тут же во сне сонно завозилась. Она лениво закинула на меня ногу, обхватила рукой за шею и привычным, заученным движением уткнулась теплым носом мне прямо в шею.

— Хватит бродить по ночам… — капризно простонала она, медленно проведя ладонью по моей шее и зарываясь пальцами мне в волосы на затылке.

Я лишь тихо усмехнулся этой её старой, такой родной привычке. Сердце в груди забилось с сумасшедшей силой.

— Я просто ходил попить, Ваниль, — негромко проговорил я ей на ухо, отвечая точно так же, как это всегда бывало между нами в особняке, когда нам обоим не спалось.

Она, даже не открывая глаз, послушно и нежно поцеловала меня в шею чуть пониже уха, тихонько вздохнула и мгновенно снова уснула, обмякнув на моей груди. Я лишь тяжело, горько выдохнул в темноту, крепче прижимая её хрупкое тело к себе.

«Завтра утром нам всем точно будет полный пиздец», — устало подумал я, закрывая глаза.

Глава 19

Ксюша

Проснулась я в удивительно теплых, уютных объятиях. В комнату сквозь огромные панорамные окна вовсю заливалось яркое солнце, а откуда-то издалека доносился мерный, убаюкивающий шум прибоя. Сначала я даже толком ничего не поняла. Сонная, разнеженная, я лишь инстинктивно прижалась теснее к источнику этого тепла, с наслаждением вдыхая до боли родной, крышесносный мужской аромат. Медленно провела ладонью по его крепкой груди, перебирая пальцами знакомые текстурные татуировки.

Кирилл в ответ на мои ласки сладко простонал что-то сквозь сон. Не открывая глаз, он плавно повернулся ко мне лицом и ещё сильнее притянул к себе, нагло перехватывая меня за бедро, закидывая мою ногу на свой бок и по-хозяйски поглаживая обнаженную ягодицу прямо под футболкой.

СТОП!

Под футболкой?!

Внутри меня мгновенно протрезвевший мозг выдал ледяной разряд тока. Я резко вздрогнула.

«Под футболкой? Чужой? Огромной? Притянул?!»

Я тут же испуганно пискнула на всю спальню, судорожно отталкиваясь ладонями от его груди и пытаясь всеми силами вырваться из этих слишком сладких, запретных объятий. Чернов от моего резкого маневра тоже тут же проснулся, мгновенно вздергивая голову со сна и оглядываясь по сторонам.

— Какого… — тут же панически прошептала я, лихорадочно отползая от него по матрасу назад, путаясь в собственных ногах и одеяле.

Координация после вчерашнего коктейльного марафона предсказуемо подвела, и в следующую секунду я с больным стуком просто грохнулась с высокого края кровати прямо на пол. Затылком пересчитала ковер, болезненно простонала и, чисто на автомате спасая свою наготу, утащила за собой всё огромное одеяло, оставляя Кирилла лежать на простынях в одних боксерах.

— Ксюх?! — тут же испуганно проговорил он, мгновенно подскакивая на кровати, перегибаясь через край и ошарашенно глядя на меня сверху вниз.

Мы смотрели друг на друга в немой паузе ровно секунду. Я лежала на полу, замотанная в одеяло как испуганная белая гусеница, с растрепанными волосами, а он нависал надо мной, сонный и взъерошенный. А потом Чернов просто не выдержал и оглушительно, раскатисто заржал надо мной на всю комнату.

Я сначала сердито поджала губы, насупившись и изо всех сил пытаясь строить из себя оскорбленную невинность, но ситуация была настолько нелепой, что через секунду я не выдержала и громко заржала сама, утыкаясь носом в край одеяла.

«Я даже нормально скандал заявить не могу, — обреченно подумала я, сквозь смех. — Вечно у меня всё идет через одно место!»

— Какого хрена, Чернов?! — проговорила я, всё-таки кое-как отсмеявшись и отчаянно пытаясь вернуть своему лицу строгое, независимое выражение. Я поднялась на ноги, укутываясь в одеяло как в королевскую мантию, и принялась панически оглядывать незнакомую роскошную комнату.

Кирилл, видя, что я жива и цела, расслабился и снова лениво плюхнулся спиной на подушки, закидывая руки за голову.

— Это я тебя вообще-то должен спросить: какого хрена ты гуляешь ночью одна в абсолютно пьяном виде, и мне в очередной раз приходится силами своей охраны спасать твою красивую задницу из темных подворотен?

— Я просто шла в туалет, ясно тебе?! — я яростно сложила руки на груди, поверх одеяла, выстраивая защиту вокруг себя.

— Одна? — Кирилл опасно прищурился, и его голос потяжелел. — Что, нельзя было попросить Пашку или кого-то проводить тебя, раз уж ты пошла гулять с другими?

— Ни с кем я не гуляю, ясно?! — снова сорвалась я на крик, чувствуя, как щёки обжигает пунцовый румянец. — Чего ты меня вечно как маленькую девочку отчитываешь?! Ты мне не папочка и не мамочка, ясно тебе, Чернов?! Моя жизнь — мои правила!

— Ах, не папочка? Отлично. А я вот сейчас возьму, лично позвоню Валерке и во всех красках пожалуюсь ему на твои ночные дубайские приключения, — он с наглой ухмылкой тут же резко цапнул с тумбочки свой телефон. — Будешь знать, как мотать своей задницей у всех местных кобелей перед носом.

— Ты не посмеешь! — тут же взрывно возмутилась я.

Забыв про всё на свете, я с разбегу запрыгнула обратно на высокую кровать и навалилась на него сверху, отчаянно пытаясь вырвать мобильник из его пальцев.

— Не смей трогать мою семью, понял меня?! Не смей звонить отцу! Я взрослая!

— Нет, Ксюха, ты не взрослая. Ты маленькая, глупая и безумно упрямая девчонка, — ровно проговорил он, легко поднимая руку с телефоном высоко вверх и удерживая меня на себе другой рукой за талию.

— Отдай! — тут же с полным, звонким писком вырвала я у него трубку, умудрившись извернуться и перехватить корпус смартфона.

Я попыталась резко соскочить с кровати, чтобы сбежать, но в процессе этой суматохи случайно нажала пальцем на кнопку блокировки экрана. Дисплей вспыхнул ярким светом, и я буквально замерла на долю секунды, перестав дышать. На его заставке стояло наше старое, дурацкие селфи из особняка: на фоне картины «Грозового неба» Кирилл, довольно улыбаясь, держал камеру, а я изо всех сил нежно целовала его в колючую щеку.

Я застыла, глупо глядя на экран, но Кирилл не дал мне опомниться. Пользуясь моей секундной слабостью, он мгновенно перехватил меня за талию, одним мощным движением уваливая обратно в мягкие подушки и без труда отнимая свой телефон из моих ослабевших пальцев.

— Ай-яй-яй, Светлова, чужие секреты смотреть нехорошо, — с тихой, опасной ухмылкой прошептал он мне прямо в губы, с легким стуком откидывая мобильник куда-то далеко в сторону и наваливаясь на меня всем своим горячим телом.

Мы снова сверлили друг друга бешеными, искрящимися взглядами, тяжело дыша в опасной близости. А потом Кирилл вдруг как-то устало усмехнулся, ослабляя хватку.

— Если ты окончательно успокоилась, то пошли завтракать, Ваниль. Я вчера за весь день вообще ни хера не жрал.

В этот момент за дверью спальни послышались тяжелые, шаркающие шаги и очередной приглушенный крик Верки, которая на ходу за что-то отчитывала Пашу. Я тут же испуганно вытаращила глаза, переводя ошарашенный взгляд на Чернова. На что Кирилл лишь совершенно спокойно пожал плечами, не видя в этом никакой проблемы.

— Я забрал из отеля вас всех, — ровно проговорил он. — Ваши шмотки уже здесь, — он небрежно кивнул головой в сторону шкафа, у подножия которого гордо высился мой ярко-розовый чемодан с пончиками.

Я снова в полнейшем шоке вылупила на него глаза. Перевела обратно взгляд на Кирилла, а он, поджав губы, плавно отстранился от меня, садясь на край кровати и нервно взъерошивая свои волосы. Я слишком хорошо знала это его мимолетное движение — Чернов сильно нерв-

ничал. Словно внутренне готовился к скандалу, который я самым серьезным образом намеревалась сейчас закатить.

— Они что… они трогали мое нижнее белье? — на удивление тихо и неестественно спокойно проговорила я, чувствуя, как внутри закипает ядерный взрыв. — Ты что, совсем ненормальный, Чернов? — снова леденящий, спокойный вопрос. — Просто сказать мне человеческим языком было нельзя? Я бы сама спокойно собрала все свои вещи!

Я тут же соскочила с кровати, подлетела к шкафу, рванула молнию чемодана и принялась судорожно проверять, всё ли вообще эти грабители привезли с собой. К моему удивлению, внутри всё было сложено просто безупречно, вещь к вещи.

— Вообще-то, это женщина собирала, — хмуро проговорил он, наблюдая за моей паникой со своего места. — Администратор отеля и горничная. Мои парни ни к чему руками не прикасались и внутрь не смотрели. Только закрыли чемоданы и донесли до машины.

— Послушай меня, Чернов. Это самое настоящее, наглое вмешательство в мою личную жизнь! — яростно спохватилась я, лихорадочно оглядываясь по сторонам в поисках своей самой главной вещи. Моей сумочки-кейса.

Кирилл тут же молча поднялся на ноги, подошел к верхней полке шкафа и аккуратно достал оттуда мой плотный художественный кейс, в котором я возила свои самые личные наброски и альбомы. Я буквально замерла на месте, переставая дышать, сердце зашлось в бешеном ритме, готовое вот-вот остановиться, когда он протянул его мне и бережно вручил прямо в руки.

— Я ничего не смотрел, — серьезно и тихо проговорил он, в упор глядя на меня.

— Поклянись, — тут же требовательно выдохнула я, крепко прижимая кейс к груди.

— Клянусь, — так же спокойно отозвался он.

— Не так! — тут же вспыхнула я, упрямо вскидывая подбородок.

Кирилл от моей детской категоричности даже негромко посмеялся, качая головой. Он вдруг сделал шаг ко мне, посерьезнел и выдал нашу старую, суровую и нелепую клятву, которую давал мне когда-то в особняке, когда я сомневалась в его честности:

— Клянусь своим самым большим счастьем в этой жизни, своей головой, своей карьерой, которую строю, и вообще всем, чем я дорожу больше всего на этом чертовом свете, включая твою вредную платиновую макушку. Так пойдет, Ваниль?

Я лишь обиженно поджала губы, сдерживая внутреннюю дрожь, и коротко кивнула.

— И всё? — тут же искренне удивился он, делая шаг ещё ближе. — Может, мне ещё для верности поклясться, что я три года назад не тра…

— Заткнись, понял?! — тут же панически шикнула я на него, выставляя руку вперед. — Мы с тобой ещё очень серьезно поговорим за всё это, — явыразительно обвела пальцем свой чемодан, кейс и всю его роскошную комнату. — Просто у меня сейчас дико болит голова после вчерашнего, и я банально хочу есть.

Я отвернулась, подошла к деревянному столику, приоткрыла замок кейса и, быстро убедившись, что альбом с набросками лежит на своем законном месте в целости и сохранности, с щелчком закрыла его.

— Может… покажешь наконец, что там внутри? — внезапно раздался его тихий, бархатный голос прямо у меня за спиной. От его опасной близости я ощутимо вздрогнула.

— Нет, не покажу, — отрезала я, не оборачиваясь. — Не твоего это ума дела, понял?

— То есть, значит, в питерскую галерею на всеобщее обозрение это вешать можно, а мне просто так показать — нет? — Кирилл криво усмехнулся. — Хочешь, я куплю этот твой альбом прямо сейчас? За любые бабки? Заплачу сколько скажешь.

— Это вообще не для галереи, Чернов, — тихо отозвалась я, крепче сжимая пальцами ручку кейса. — Это просто… для себя.

— А ведь когда-то я тебя на коленях умолял нарисовать картину для меня… — обречённо и безумно грустно отозвался он.

Я мельком обернулась. Кирилл стоял у кровати, быстро натягивая спортивные штаны и черную футболку. А потом он резко повернул ко мне голову, и его зелено-янтарные глаза выражали такую беспросветную, монолитную печаль, что у меня внутри всё сжалось.

— Это было бы самым лучшим, что вообще осталось бы у меня от тебя… помимо той грозы на стене в Москве, — прошептал он, и его шрам на губе дернулся. — Знаешь, когда я смотрю на твой холст «Грозового неба», я отчетливо вижу в нем абсолютно всё, что ты чувствуешь сейчас ко мне. Словно ты заранее, своими красками выразила всю эту катастрофу на полотне. И от этого осознания, Ксюш, мне внутри становится ещё в сто раз паршивее. Я уже, блять, просто не знаю, что я должен сделать и что ещё должен тебе сказать, чтобы ты услышала. Да, у меня нет свидетелей той ночи. Разве они вообще могут существовать в такой дерьмовой ситуации? Но я готов прямо сейчас клясться тебе чем угодно, своим здоровьем, своей жизнью, что я никогда, слышишь, никогда не предавал тебя и всё то, что мы так тяжело строили за те полгода.

— Кирилл, пожалуйста, не начинай… — из последних сил проговорила я, чувствуя, как на глаза снова наворачиваются слезы.

Но он не дослушал. В один широкий шаг Чернов стремительно сократил между нами расстояние, схватил меня за подбородок, резко вздергивая его вверх и заставляя смотреть прямо в свои горящие глаза.

— Почему ты так отчаянно противишься тому, что до сих пор чувствуешь ко мне?! — с тихим рыком спросил он, обжигая лицо дыханием. — Почему ты упрямо не хочешь просто сесть, выслушать и попытаться понять меня?! Неужели ты в упор не видишь, что без тебя я просто погиб? Сломался окончательно и бесповоротно?

— Я не знаю… — прерывисто, со сдавленным вздохом проговорила я. — Честно, Кирилл, я ничего не знаю.

Я попыталась сделать быстрый шаг назад, чтобы разорвать этот удушающий контакт, но с размаху жестко уперлась в деревянный край стола. Мне пришлось ухватиться пальцами за его столешницу, чтобы снова позорно и нелепо не грохнуться прямо на него от слабости в коленях.

Кирилл моментально воспользовался моей заминкой. Он вплотную прижался к моему телу, сократил расстояние до моих губ до минимума, собираясь впиться в них поцелуем, но я из последних сил отстранила голову в сторону, отшатываясь от его лица.

— Не надо… — тихо, умоляюще отозвалась я, закрывая глаза. — Пожалуйста.

Чернов замер в сантиметре от моей щеки. Было слышно, как он тяжело и шумно дышит, борясь с собственными демонами. А потом он, яростно поджав губы, просто резко развернулся и стремительным шагом вышел из спальни и с такой силой хлопнул дверью, что я всем телом испуганно вздрогнула в опустевшей комнате.

Глава 20

Кир

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.